

18+ Геннадий Дорогов

Пластилиновая пуля

ПОВЕСТИ



Геннадий Дорогов

Пластилиновая пуля. Повести

«Издательские решения»

Дорогов Г.

Пластилиновая пуля. Повести / Г. Дорогов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743703-9

В данную книгу вошли три повести. 1. «Стокгольмский синдром». У богатого предпринимателя похищена дочь. Как ей выжить в трудной и опасной ситуации? Кто окажется истинным врагом, а кто настоящим другом-спасителем? 2. «Пластилиновая пуля». Психическая травма, нанесённая главному герою в детстве, отравляет ему жизнь. Справится ли он с ней? 3. «По высокой траве». Боец спецназа, списанный по состоянию здоровья, оказался на грани выживания. Он мечется в поисках выхода. Что ждёт его впереди?

ISBN 978-5-44-743703-9

© Дорогов Г.
© Издательские решения

Содержание

Стокгольмский синдром	6
Пластилиновая пуля	38
Часть 1. Запас прочности	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Пластилиновая пуля Повести

Геннадий Дорогов

Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации и техническом содействии Союза российских писателей.

© Геннадий Дорогов, 2018

ISBN 978-5-4474-3703-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стокгольмский синдром

Вишнёвый «Кадиллак» стоял на своём привычном месте. Ученица девятого класса Катя Туманова распахнула заднюю дверцу и плюхнулась на сидение, немного удивившись поведению водителя – обычно Олег Владимирович выходил из машины и галантно распахивал дверцу перед своей персональной пассажиркой. И при этом всегда разговаривал с ней, добродушно шутил. А сегодня он даже голову не поворачивает в её сторону. Сидит за рулём неподвижно, словно манекен, лишь правый кончик его чёрных усов виднеется из-за щеки. Может быть, на что-то обижен? Но даже если и в самом деле обижен, то, скорее всего, на её отца, а лично она ничего плохого ему не сделала. Нет у него оснований дуться на неё! А с другой стороны, кто сказал, что он на неё дуется? Мало ли по каким причинам у человека может быть плохое настроение? Возможно, у него дома неприятности. Это предположение успокоило девочку. Едва она захлопнула за собой дверцу, машина плавно тронулась с места. Отъехав от школы на небольшое расстояние, они обогнали школьницу, одиноко идущую по обочине дороги.

– Олег Владимирович, это моя подруга Светка Власова, – сказала Катя. – Давайте подвезём её.

– Нет, – коротко ответил водитель.

В его отказе не было ничего удивительного – Катин отец из соображений безопасности дочери категорически запретил шофёру брать попутчиков. Но голос показался Кате странным. Она посмотрела в зеркало заднего вида, расположенное над ветровым стеклом. Но зеркало было повернуто так, что лица водителя увидеть в нём с заднего сидения было нельзя. Смутное беспокойство охватило девочку. Тем временем они уже выехали за пределы школьного двора. Здесь дорога поворачивала направо. По обеим сторонам дороги росли крупные кусты сирени. Именно на этом участке пути, скрытом от посторонних глаз, водитель притормозил. В ту же секунду из-за кустов выскочили двое мужчин и расположились на заднем сидении по обеим сторонам от девочки. Сначала она даже не испугалась – настолько нереальным казалось происходящее. Она ещё и подумать не успела о том, что надо кричать и звать на помощь, как грубая мужская ладонь уже зажала ей рот. В бок упёрлось что-то твёрдое.

– Попробуешь пикнуть – получишь пулю, – предупредил один из налётчиков. – Ты всё поняла?

Она кивнула. Теперь до её сознания дошло, что всё происходит по-настоящему, что любая оплошность может обойтись ей очень дорого. От страха похолодело в груди. С запоздалым раскаянием Катя горько пожалела о том, что не слушала советов отца. Если бы она внимательно разглядела водителя, прежде чем сесть в салон лимузина, если бы заблокировала двери, если бы... – да мало ли этих «если», о которых постоянно напоминал отец?!

Мужчина убрал ладонь с её лица. «Кадиллак» выехал из дворов и на небольшой скорости покатил по проспекту. Замерев от страха, Катя тоскливо поглядывала по сторонам. Мимо проезжали автомобили, по тротуарам шагали люди. Они с интересом поглядывали на роскошный лимузин и, вероятно, завидовали сидящей в нём девочке, даже не подозревая, в каком незавидном положении она оказалась. Вскоре «Кадиллак» опять свернул во двор и заехал в какой-то глухой закоулок, в котором похитители вместе со своей пленницей перебрались в другую машину. Девочке заклеили пластырем глаза и рот и приказали лечь на пол. Потом машина долго петляла по городу. Наконец, остановилась. Пленницу вытащили из салона автомобиля и повели, держа с двух сторон за руки. Судя по всему, это было большое, просторное помещение, так как шаги отдавались гулким эхом. По ступенькам сошли куда-то вниз. Послышался звук открываемой двери. Катю грубо втолкнули в эту дверь.

– Можешь снять пластырь, – услышала она мужской голос. – Но сиди тихо, как мышка, иначе будешь иметь неприятности.

Дверь захлопнулась. Щёлкнул замок. Осторожно, чтобы не причинить себе боль, Катя содрала с лица полоски пластыря и огляделась. Под потолком маленькой грязной комнатухи с ободранными стенами горела тусклая лампочка. Окна не было. У стены приютилась металлическая кровать, накрытая старым, затёртым до блеска матрацем. Ни подушки, ни постельного белья. В углу возле двери стояло пластмассовое ведро с крышкой. Только теперь Катя в полной мере осознала, что в её жизни произошли очень серьёзные перемены. Продолжая стоять посреди комнаты, она заплакала от страха и отчаянья.

* * *

Алексей Игоревич Туманов сидел в своём кабинете. Он строго приказал секретарше Тамаре никого из посетителей не впускать, а телефонные звонки фильтровать, пропуская только те, которые могли быть ему необходимы в данное время. Об этом он подробно проинструктировал Тамару. Правда, был ещё мобильный телефон, который секретарша не могла контролировать. И время от времени он проигрывал мелодию, высвечивая при этом на дисплее чью-то фамилию или телефонный номер. Как правило, звонили деловые партнёры или другие лица, так или иначе связанные с ним по работе. Едва взглянув на дисплей, Туманов тут же нажимал кнопку отбоя. Рабочие вопросы в данный момент его совсем не интересовали. Но если номер был не знакомым, Алексей Игоревич торопливо жал на зелёную кнопку, надеясь услышать голос неизвестного ему человека, причастного к похищению дочери. Он понимал, что ничего доброго этот голос ему не сообщит. Но неизвестность была ещё хуже. Туманов безумно любил свою дочь. Он не только обеспечивал её всем необходимым, но и стремился воспитать в девочке такие качества, как скромность, трудолюбие, ответственность, доброжелательность. Часто по этой причине приходилось вступать в конфликты с женой, которая не упускала случая, чтобы чем-нибудь побаловать своё любимое чадо. Валентине сейчас совсем плохо. Алексей испытывал чувство вины, оттого что оставил супругу без своей заботы и поддержки. Но выслушивать бесконечные стоны и причитания было выше его сил. И без того тошно. Нужна ясная голова, надо быть готовым в любой момент приступить к действиям. Поэтому он сбежал сюда, поручив заботу о Валентине родственникам.

Вновь зазвучал мобильник. Звонил начальник городского УВД Метелин. Туманов торопливо поднёс аппарат к уху.

– Слушаю вас, Владимир Андреевич!

– Есть кое-какие новости, – сказал главный милиционер города. – Ваш «Кадиллак» найден...

– А водителя нашли? – нетерпеливо перебил Туманов.

– Водитель обнаружен в багажнике. У него разбита голова. Нанесено несколько ударов твёрдым предметом, предположительно – рукояткой пистолета. Так мне доложили.

– Он жив?

– Жив, но очень плох. Вряд ли стоит рассчитывать на его показания. По крайней мере, в ближайшее время.

– Что ещё?

– Пока всё. Сейчас машиной занимаются криминалисты. Будем надеяться, что похитители оставили следы.

Понимая, что глупо задавать подобный вопрос, Туманов всё же не удержался и спросил:

– Владимир Андреевич, ну хоть какие-нибудь версии у ваших сыщиков имеются? Есть хоть какие-то подозрения?

В трубке послышался вздох.

– Алексей Игоревич, сами посудите – вы человек богатый. Я бы даже сказал, неприлично богатый. Я полагаю, что в круг подозреваемых в данном случае можно внести такое количество

людей, что никакой милиции не хватит, чтобы всех их проверить. И не факт, что похитители – люди с криминальным прошлым, – Метелин немного помолчал, потом спросил: – Как я догадываюсь, звонков от них ещё не было?

– Нет.

– Потерпите. Они скоро позвонят. Надо немного подождать.

– А что мне ещё остаётся?!

Горечь, прозвучавшая в последней фразе, не осталась для собеседника незамеченной.

– Алексей Игоревич, я вас уверяю: найдём мы вашу дочку! – сказал он убеждённо. – Я буду держать это дело под личным контролем до его завершения.

Закончив разговор, Туманов выключил связь и грустно усмехнулся. Метелин заверил его, что Катю найдут. Возможно, так оно и будет. Вопрос в другом – найдут ли её живой? Этого начальник УВД не обещал.

Зазвучавший телефон заставил его вздрогнуть. Алексей взглянул на мобильник и замер: на миниатюрном экране высветилось имя самого дорогого для него человека: «Катюша». Он схватил аппарат, нажал кнопку связи.

– Алло!!!

– Папа! – раздалось в трубке.

– Катя! Катенька! Где ты?!

Связь оборвалась. Дрожащей рукой Туманов раз за разом давил на кнопку вызова, но телефон дочери вновь был недоступен.

* * *

Скрежет дверного замка разбудил Катю. Едва пошевелившись, она почувствовала, что её тело затекло от неудобной позы. До поздней ночи она не могла найти себе места, нервно шагая из угла в угол по маленькой комнатухе. Но потом сказались усталость и нервное напряжение. Девочка села на матрац, положив руки и голову на спинку кровати. В этом положении она и уснула.

Дверь распахнулась. В комнату вошла молодая женщина с красивым, но злым лицом. Она поставила на пол кружку с водой и положила на неё кусок хлеба.

– Вот, поешь.

Катя растерянно смотрела на неё. На лице женщины заиграла злая усмешка.

– Что, не нравится тебе такой завтрак? Привыкай. Сервелатом тебя здесь никто кормить не будет.

– Мне надо в туалет, – сказала Катя.

Женщина несколько секунд молча смотрела на неё и вдруг закричала:

– Ты что, и на горшок без посторонней помощи сходить не можешь? Сучка избалованная!

– Но здесь нет туалета! – робко возразила девочка.

– А это что?! – женщина ткнула пальцем в сторону ведра.

– Но я так не могу, я так не хочу! – жалобно забормотала Катя.

Женщина наотмашь ударила её по щеке. Потом вышла из комнаты и уже из коридора сказала:

– Не хочешь – не надо. Я не настаиваю. Можешь ссать в штаны.

Дверь захлопнулась, и Катя опять осталась в одиночестве. В её душе снежным комом росли страх и тревога. «Надо взять себя в руки и успокоиться, – думала она. – Папа не раз говорил: пока есть надежда, ты жив; потерял надежду – погиб. Он спасёт меня, обязательно спасёт. Я должна верить в это!». Катя понимала, что её похитили из-за денег. И похитители наверняка знали, что отец девочки заплатит выкуп лишь в том случае, если будет уверен, что его дочь жива. Это соображение вселяло надежду. Катя посмотрела сначала на кружку, накры-

тую кусочком хлеба, потом на ведро. Что ж, придётся привыкать к новым условиям. Иначе не выжить.

Она не знала, сколько прошло времени, когда в коридоре вновь послышались шаги. Знакомо защёлкал замок. Вместе с известной Катей женщиной в комнату вошёл мужчина. Его лицо тоже было знакомым – это был один из похитителей. В правой руке он что-то держал. Катя пригляделась и узнала свой сотовый телефон.

– Слушай сюда, – сказал мужчина. – Сейчас я соединю тебя с твоим отцом. Телефон будет в моей руке. Если схватишь его, я тебя накажу.

Он понажимал кнопки и поднёс мобильник к уху девочки.

– Алло! – услышала Катя голос отца.

– Папа! – закричала она.

Мужчина убрал телефон.

– Достаточно.

Катя протянула к нему руку.

– Ради Бога, дайте мне сказать ему два слова, – произнесла она с мольбой в голосе. – Я только скажу, что со мной всё в порядке.

Женщина больно ударила её ладонью по лицу.

– Тебя предупреждали, сучка! – злобно прошипела она.

Катя ойкнула и быстро отошла назад, замерев от страха. Мужчина вышел в коридор. Женщина – вслед за ним.

– Сколько мне с ней нянчиться? – услышала Катя её голос.

– Что-то я не заметил, что ты с ней нянчишься, – сказал мужчина с усмешкой в голосе. – Такие оплеухи отвешиваешь! Не перебарщивай. Без надобности не мордуй и голодом не мори. Шеф сказал, что она нам нужна целая. Во всяком случае, пока. Усекла?

– Тогда какого хрена меня к ней приставили? – зло воскликнула женщина. – Со мной никто не церемонился...

– Любаха, не зарывайся! – прозвучало в ответ с угрозой. – Поняла, что я сказал?

– Ладно, поняла, – буркнула женщина.

Она вернулась в комнату. Катя испуганно смотрела на неё. Женщина ответила ей неприязненным взглядом. Потом подошла и вновь звонко ударила по щеке. Видимо, посчитав, что этого недостаточно, она ещё несколько раз наотмашь ударила девочку. Катя закрыла лицо руками.

– Запомни: здесь у тебя нет заступников, – сказала Любаха.

Она ушла, закрыв за собой дверь.

* * *

– Чёрт возьми, но ведь можно как-то выяснить, откуда звонили?! – сердито воскликнул Алексей Игоревич. – Я слышал о том, что даже выключенный мобильник продолжает посылать сигналы, по которым можно определить его местонахождение. Или я не прав?

Старший следователь по особо важным делам майор Маркелов утвердительно кивнул головой.

– Вы правы.

Его спокойствие окончательно вывело Туманова из себя.

– Так займитесь этим! – закричал он. – Какого чёрта вы тянете волюнку?

– Мы этим занимаемся, – ответил Маркелов тем же бесстрастным голосом. – Но преступники, скорее всего, после первого же звонка уничтожили телефон вашей дочери. Или, по крайней мере, сим-карту. Не исключено, что в следующий раз они воспользуются мобильником водителя. Сейчас мы пытаемся определить, где он находится.

– И каковы результаты?

Маркелов пожал плечами.

– О результатах говорить рано.

– А когда будет не рано – когда уже будет поздно?

Возможно, злой, язвительный тон собеседника и задел следователя, внешне это почти никак не проявилось. Маркелов лишь поднял глаза и спокойно ответил:

– Если бы похищением детей у богатых особ занимались дураки, всё было бы гораздо проще.

Туманов с трудом удержался, чтобы не выругаться. Метелин рекомендовал Маркелова как лучшего специалиста по розыску пропавших людей. Ссориться с ним не следовало. Но неприязнь к клиенту, которую следователь не очень-то и старался скрывать, выводила из себя. Особенно заметно эта неприязнь прозвучала во фразе «у богатых особ». Знал бы чёртов мент, как это богатство достаётся...

Стараясь погасить всплеск эмоций, Туманов спросил:

– Какова вероятность того, что моей дочери не будет причинён вред?

С полминуты Маркелов молча смотрел ему в глаза, потом сказал:

– Нам пока ничего не известно о цели похищения. Наиболее вероятная причина – желание получить за неё выкуп. Но могут быть и другие. В любом случае, пока девочка является главной картой в игре, с ней будут обращаться сносно.

– Мне бы вашу уверенность, – ворчливо пробормотал Алексей Игоревич. – Моя дочь находится в руках каких-то мерзавцев. Совсем ещё юная девочка, ребёнок! А вы меня хотите успокоить. Да и что вы, собственно говоря, подразумеваете под словом «сносно»? Что её не убьют и не покалечат? А если?.. – он замолчал, боясь неосторожным словом навлечь на свою дочь беду.

Маркелов понял, что имел в виду отец похищенной девочки. Пожалуй, впервые за время беседы в его глазах промелькнуло сочувствие.

– Давайте не будем себя накручивать, – предложил он миролюбивым тоном. – Так вы долго не продержитесь. Судя по тому, как было организовано дело, похищением руководили серьёзные люди. А это значит, что в их структуре поддерживается строгая дисциплина. Без крайней необходимости вашу дочь никто не тронет.

В его словах, несомненно, был резон. Туманов кивнул головой в знак согласия. Но на душе легче не стало. Душу не убедишь никакими доводами. У неё своя логика.

* * *

Опасения Катиного отца не были беспочвенными. Когда опять послышался скрежет открываемого замка, Катя подумала, что это злая надзирательница Любаха принесла скучный обед. Или ужин. Часы у девочки забрали, поэтому она не имела понятия о времени.

Дверь распахнулась, и в комнату вошёл молодой мужчина неприятного вида. Он воровато огляделся. Потом пристально посмотрел на Катю, выразительно прижимая указательный палец к губам.

– Тихо! – грозно прошипел он и, схватив девочку за ворот куртки, потащил её к кровати.

– Нет! Не надо! – закричала Катя, пытаясь освободиться от его цепких рук.

– Я же сказал: тихо! – мужчина ударил её кулаком в бок, затем повалил на кровать и стал торопливо срывать с девочки одежду. Катя опять закричала, но насильник зажал ей рот ладонью. Другой рукой он лихорадочно дёргал замочек на её джинсах, пытаясь расстегнуть брюки. Но то ли парень сильно нервничал, то ли замок заело – у него ничего не получалось.

Послышался скрип открываемой двери. Кто-то стремительно вошёл в комнату.

– Эй! Ты что делаешь, урод?! – услышала Катя злой голос Любахи.

– Вышла отсюда! Быстро! – рявкнул на неё мужчина. – Зайдешь, когда я скажу.
– Чего?!

Любаха схватила парня за ворот и сдёрнула его на пол. Катя испуганно забилась в угол кровати, прижав к груди колени. Тем временем мужчина поднялся, с ненавистью глядя на Катину заступницу.

– Ты чего дёргаешься, шлюха? – процедил он с угрозой. – Забыла, кто ты есть? Шас напомним!

Он шагнул к Любахе и попытался её схватить. Но женщина вдруг сделала шаг навстречу противнику и ударила его головой в лицо. Мужчина вновь оказался на полу. Из рта по подбородку стекала кровь.

– Ах ты тварь! Ты же мне зубы выбила! – воскликнул он, с трудом шевеля разбитыми губами. Потом резко поднялся на ноги, вытянув перед собой руку. Из сжатой ладони с характерным щелчком выскочило лезвие ножа. От страха у Кати закружилась голова и похолодело в груди. Но Любаха, похоже, ничуть не испугалась. В её глазах горела жгучая ненависть. Сдёрнув дужку с металлической спинки кровати, женщина приготовилась к драке.

– Слушай меня внимательно, ублюдок, – произнесла она, чётко выговаривая каждое слово. – Сейчас я позвоню Вольту и всё ему расскажу. Не пройдет и десяти минут, как твоя мошонка окажется вот в этом ведре с дерьмом.

Её слова резко остудили пыл несостоявшегося насильника.

– А в чём дело? Она кто? – спросил он растерянно, кивнув головой в сторону Кати.

– Ты всё понял? – Любаха продолжала сверлить его ненавидящим взглядом.

– Ладно, понял. Чего там, – пробормотал парень. – Я же не знал...

Он осторожно обошёл женщину и вышел из комнаты, на ходу вытирая ладонью разбитые губы. Любаха продолжала стоять на месте, глядя перед собой всё с тем же выражением злости на лице. Несколько минут Катя молча наблюдала за ней, не решаясь потревожить. Потом насмелилась.

– Люба! – осторожно позвала она.

Женщина бросила на неё сердитый взгляд.

– Чего тебе? – рявкнула она так, что у Кати по спине поползли мурашки.

– Я... Я только... – испуганно пролепетала девочка. – Я только хотела... сказать: спасибо!

Губы женщины скривила презрительная усмешка.

– Ты чего решила? Что я за тебя вступилась? Да плевать мне на тебя! Просто ненавижу этих похотливых козлов.

Она ещё постояла молча, о чём-то думая. Потом ещё раз, уже без злости, посмотрела на Катю.

– Ладно, чего уж там – пожалуйста!

Потом пошла к выходу. У двери обернулась.

– Ты не бойся, он больше не придёт. Не знаю, где он взял ключ. Ничего, сейчас выясним.

Она не успела выйти, как Катя опять окликнула её.

– Люба, можно спросить?

– Ну, чего тебе? – в голосе Любахи звучали усталость и досада, но раздражения не было.

– Этот, как его... Ну, в общем, он мне блузку порвал. Я хотела попросить иголку с белой ниткой.

Любаха с удивлением уставилась на неё.

– Ты что же – шить умеешь?

– Ну да, – ответила Катя, удивившись в свою очередь столь странному вопросу.

– Чудно! – Любаха выразительно покачала головой. – У тебя же папаша миллионер.

– Ну и что? Он всё умеет делать руками. И меня многому научил.

– Тем более странно. Вы же, богачи – белоручки. За вас всё слуги делают. Ну ладно там папаша на все руки мастер. Это ещё можно понять. Он ведь не сразу миллионы нагрёб. Но чтобы отпрыски богачей умели работать – в первый раз слышу.

– Папа говорит, что человек должен уметь всё делать сам. Тогда он нигде не пропадёт.

– «Папа говорит...»! – передразнила девочку Любаха. – Только вот насчёт «нигде не пропадёт» я шибко сомневаюсь.

От её последней фразы Кате стало не по себе. Девочка остро ощутила, в каком опасном положении она оказалась. Но от неё не ускользнул и положительный момент – Любаха впервые заговорила с ней без агрессии. Так и не сказав, принесёт иголку с ниткой или нет, женщина вышла из комнаты и заперла дверь на ключ.

* * *

Алексей Игоревич подошёл к жене, осторожно обнял за плечи.

– Валюша, я тебя уверяю: найдём мы нашу дочь живой и здоровой.

Валентина посмотрела на него так, словно он был прозрачный. Когда Туманов вернулся домой, жена уже не кричала, не билась в истерике и даже не плакала. Словно оцепенев, она сидела неподвижно и смотрела в одну точку. Её сестра Светлана сказала, что это результат действия лекарств, которыми она напичкала свою старшую сестру. Когда Света с мужем ушли, Валентина продолжала сидеть в той же позе. Но это было похоже не на успокоение, а, скорее, на крайнюю степень отчаяния. И сейчас, когда она перевела взгляд на мужа, ему стало не по себе.

– Валя, милиция делает всё...

– А что «всё» она делает? – неожиданно произнесла Валентина бесцветным голосом.

– Ну, я не знаю деталей, – ответил Алексей, немного смутившись.

Валентина горько усмехнулась.

– Они сами-то эти детали знают?

Туманов молчал, понимая, что сейчас никакие доводы не подействуют, не помогут вселить в душу Валентины хотя бы маленькую надежду. Да и не было у него таких доводов. Милиция либо не располагала даже малейшей информацией, либо не спешила ею поделиться.

Валентина вдруг глубоко и горько вздохнула.

– Зря ты Вадима не послушал. Он знал, что делал.

Алексей опять ничего не сказал. Возражать было бесполезно. Вадим Смирнов прежде работал у него, возглавлял службу безопасности. Он хорошо знал своё дело и добросовестно исполнял возложенные на него обязанности. Кроме того, Вадим был очень коммуникабельным, лёгким в общении человеком. Разногласия начались, когда Туманов узнал, что Смирнов налаживает широкие связи в криминальных структурах. Потребовал объяснений. Вадим стал горячо убеждать его в том, что это необходимо на случай критических ситуаций, что воровской мир имеет значительно большие возможности помочь в тяжёлую минуту жизни, нежели официальные силовые структуры. К согласию они тогда так и не пришли, и Туманов был вынужден заменить шефа службы безопасности. Но с Вадимом они расстались мирно, без ссор и обид. Алексей Игоревич даже помог Смирнову открыть своё дело. И сейчас упрёк жены больно резанул его по сердцу. Ведь она, по сути, сказала ему следующее: «Если бы ты послушал Вадима, наша дочь сейчас была бы дома».

Его мысли прервал телефонный звонок. Туманов поднёс мобильник к уху.

– Алло!

– Готовь пять миллионов евро, – прозвучал сиплый голос, после чего связь оборвалась.

Алексей ещё с полминуты машинально продолжал держать телефон возле уха, потом опустил руку и тяжело перевёл дух.

– Ну вот они и напомнили о себе.

Валентина в ответ только всхлипнула. Туманов вдруг почувствовал страшную усталость. Он не спал вторые сутки, пребывая в постоянном напряжении. Организму требовался отдых. Надо было поспать, хотя бы пару часов. Извещать милицию о звонке похитителей не было необходимости – телефон поставили на прослушивание. Алексей Игоревич прошёл в спальню и плюхнулся на кровать, не раздеваясь. Сознание мгновенно провалилось в чёрную бездну под громкое звучание знакомой мелодии. Но как бы велика ни была усталость, внутренний сторож был начеку. Сквозь дрему пробилась мысль: «Звонит мобильник». Туманов с трудом оторвал тяжёлую голову от подушки. Сидя на кровати, он поднёс телефон к уху и устало произнёс:

– Аллю!

– Алексей Игоревич? – послышался знакомый голос. – Это Смирнов беспокоит. До меня дошла страшная весть. Это же просто дикость! Уму непостижимо! В общем, мне необходимо с тобой встретиться и поговорить. Может быть, смогу тебе помочь. Надо как-то спасать Катюшку. Ты где находишься?

– Я сейчас дома, Вадик. Приезжай скорее. Мы тут уже извелись.

– А что у тебя с голосом? Ты пьян?

– Боже мой, конечно же нет! Устал я чертовски. Впервые за двое суток уснул, а тут твой звонок.

– Ясно! Извини, что не вовремя...

– Глупости! Потом выплюсь. Давай, жми ко мне!

Смирнов немного помолчал, потом сказал:

– Давай, Лёша, так поступим: я подъеду к тебе через часок, а ты пока вздремни. Иначе никакого толку от нашего разговора не будет. По твоему голосу понятно, что ты на пределе.

Закончив разговор, Туманов вышел в гостиную.

– Валя! – окликнул он жену. – Только что звонил Смирнов.

Валентина встрепелась:

– Вадик?!

Впервые в её глазах мелькнула надежда.

– Что он сказал?

– Хочет помочь нам найти Катю. Будет здесь через час.

– О, боже! – воскликнула Валентина. Из её глаз ручьями побежали слёзы. – Он поможет! Я уверена – поможет!

Обхватив себя руками за плечи, она стала нервно ходить по комнате. Туманову стало легче, оттого что удалось вывести жену из состояния ступора. Но он валился с ног от усталости.

– Валюша, ты меня разбуди, когда Вадим приедет.

Сказав это, Алексей Игоревич, ушёл в спальню и с ходу рухнул на кровать.

* * *

Блузка была порвана по шву. Катя быстро привела её в порядок. Любаха с интересом наблюдала, как ловко девочка орудует иглой. Потом спросила:

– Что ты ещё умеешь делать?

Катя пожала плечами.

– Много чего. Умею готовить. Могу вещи постирать и погладить, сделать дома уборку.

– И кто тебя всему этому научил? Тоже папаша?

– Ну да.

– А почему не мамаша? У тебя же есть мать – я точно знаю.

– Ну ... – Катя замаялась. – Мама считает, что мне всё это не пригодится в жизни. По этому поводу они с папой часто спорят, даже ссорятся.

– Слушай, а чего это ты вся такая пушистая? – вдруг спросила Люба с привычной злостью. – Ситуация вынуждает быть паинькой? В обычной жизни, небось, гонор через край хлещет. Знаю я вашу братию. На простых людей смотрите с верблюжьим высокомерием. В другой обстановке ты бы в мою сторону и головы бы не повернула.

– Нет, Люба! – робко возразила Катя. – Клянусь, что это не так! Я никогда ни с кем не бываю высокомерной. Папа говорит: кто не уважает других, тот не уважает себя.

– «Папа говорит...», – вновь повторила за ней Любаха, но уже без сарказма и злости, а, скорее, с горечью. – Похоже, твой отец – мужик что надо. Повезло тебе с отцом. А мой папаша изнасиловал меня, когда мне было двенадцать.

Катя опешила. То, что она сейчас услышала, было недоступно её пониманию.

– Как это? – чуть слышно выдохнула она.

У Любы лицо скривилось как от боли.

– Молча, – процедила она сквозь зубы.

– Но ведь за это... – неуверенно сказала девочка. – Его посадили?

Любаха усмехнулась.

– Нет, золотко. Это не Америка. Что творится в семьях алкашей наше долбаное государство не интересует.

Она умолкла, неподвижно глядя в одну точку. На скулах играли желваки. Тяжкое воспоминание детства, как видно, вновь всколыхнулось в душе острой болью. Катя с жалостью смотрела на свою надзирательницу, не решаясь прервать её молчание, хотя множество вопросов беспокоило девочку. Через пару минут Люба сама заговорила:

– Я тогда поклялась себе, что убью эту тварь, когда вырасту.

– И что? – спросила Катя, вновь замерев от страха. Она боялась услышать страшную правду. В том, что Люба способна выполнить свою клятву, можно было не сомневаться. Её решительные действия во время недавнего инцидента с насильником красноречиво подтверждали эту способность. Люба ответила не сразу. После долгих раздумий она с тяжёлым вздохом сказала:

– Не успела. Сам сдох. Сгорел по пьяни. Уснул с зажжённой сигаретой, – она вдруг резко тряхнула головой. – Ладно, хватит чесать об этом. Тема закрыта. Давай лучше поговорим о твоём отце. Судя по твоим словам, он и в самом деле мужик неплохой. У меня к нему даже какая-то симпатия появилась.

Катя неуверенно пожала плечами.

– А что говорить?

– Ну, например, чем вы с ним ещё занимаетесь?

– Много чем. Правда, у папы редко бывает свободное время. Но зато когда оно есть, так здорово! Мы с ним занимаемся спортом. Устраиваем походы.

– Вдвоём?

– Да.

– А как же мать?

– Маме всё это не очень нравится.

– Что ей не нравится? По-моему твой папаша всё правильно делает.

– Ну, не нравятся ей наши походы. Не любит мама путешествовать. Правда, за границу мы всегда ездим втроём.

– Ну, ещё бы! Что ж она, дура что ли? Я бы тоже не отказалась. Ты-то, поди, уже весь мир объехала.

Катя зажмурилась, и яркие воспоминания унесли её из грязной подвальной комнаты в шикарные номера отелей, на морские побережья, на улицы и площади западных, восточных, южных городов. Она глубоко вздохнула.

– Не весь мир, конечно, но во многих странах довелось побывать.

– А где конкретно была? – допытывалась Любаха.

– В самый первый раз я побывала в Арабских Эмиратах, – стала рассказывать Катя. – Потом мы посетили Францию, Испанию и Монако. Потом был Китай. Прошлым летом мы отдыхали в Сингапуре. А в этом году собираемся поехать в Новую Зеландию, – девочка вдруг сникла и чуть слышным голосом поправила себя: – Собирались поехать.

Захваченная своими мыслями, Люба не заметила перемену в её настроении.

– Да, повезло тебе, – сказала она задумчиво. – Столько стран повидала.

– А ты была за границей? – спросила Катя.

– Была однажды, – мрачно отозвалась Любаха. – В Турции, будь она проклята!

– А что так? Плохо обслуживали?

– Нас там никто не обслуживал. Это мы обслуживали, – Люба опять умолкла на пару минут, потом продолжила рассказ. – Мне в то время совсем хреново было – жизнь подпёрла так, что дышать невмоготу. А тут мне знакомая подкинула информацию о том, что в Турции в ресторанах стали популярны русские официантки, и, вроде как, можно без проблем найти там работу. Я и купилась. Только вот работа оказалась совсем не той, которую обещали.

Катя поняла, о чём шла речь. Эта тема уже неоднократно обсуждалась на телеэкране. Легкомысленные девчонки в погоне за красивой жизнью попадали в страшные условия, где они были совершенно бесправны, а их жизнь не стоила ни гроша.

– Ты попала в сексуальное рабство? – осторожно спросила девочка.

– Вот именно – рабство. С унижениями, побоями, издевательствами. Мне и раньше довелось хлебнуть лиха, но там показалось, что все прежние мои беды – суший пустяк.

– А в полицию никак нельзя было сообщить об этом?

Люба горько усмехнулась.

– Ты шутишь? Нас держали в укромном месте за высоким забором. Двор охранялся боевиками с овчарками. Да и что толку было сообщать? Там полиция сплошь продажная. Хуже наших ментов.

Катя зябко передёрнула плечами.

– Беспросветность какая-то.

Любаха кивнула, соглашаясь с ней.

– Жуть беспросветная. В аду, поди, и то легче. Некоторые из охранников были ещё более-менее нормальными людьми. Они тоже били нас, но не очень сильно. Зато остальные – настоящие садисты. Придумывали такие зверские наказания за любую провинность, что мне до сих пор тошно вспоминать об этом.

С окаменевшим от тяжёлых воспоминаний лицом Люба стала рассказывать свою страшную историю. Катя слушала и не могла поверить своим ушам. Неужели люди могут быть такими чудовищами? Ей вдруг стало нестерпимо жаль эту несчастную женщину, которая в своей жизни не видела ничего хорошего. Откуда же взяться добру в её душе, если весь её жизненный путь – обиды и унижения? Может ли Катя осуждать её, имеет ли на это право? И почему жизнь так несправедлива? Одним (счастливчикам, вроде неё самой) дарит радости и все блага, а на других обрушивает беды и невзгоды. Слёзы потекли по щекам девочки. Услышав всхлипывания, Люба повернула голову и с недоумением уставилась на неё.

– Ты чего ревёшь?

– Жалко... – ответила Катя, продолжая плакать.

– Кого тебе жалко?

– Тебя.

– Меня?! – удивлённо спросила Любаха и вдруг взорвалась. – Дура! Набитая дура! Жалко ей меня! А себя тебе не жалко? Ты уверена, что с тобой ничего не сделают? Мои проблемы позади, а что тебя ждёт – одному Богу известно. Да что с тобой говорить!.. Ну тебя к чёрту!

Она резко вышла из комнаты и заперла дверь на ключ. Катя осталась одна. На душе было тяжело и тоскливо. Конечно, она и раньше знала, что в мире творится много жестокости и несправедливости. Но всё это было где-то «там», далеко от неё. Впервые девочка так близко столкнулась со страшной реальностью. Люба права: одному Богу известно, что ждёт её в самое ближайшее время. Но Катя почему-то не испытывала страха. Душу заполнило ещё более тяжёлое чувство – пустота.

* * *

– Лёша, вставай. Вадик приехал, – Валентина настойчиво тормозила мужа за плечо. – Ну, вставай же!

Алексей Игоревич тяжело приподнялся и сел на кровати, уткнув лицо в ладони. Часового сна оказалось слишком мало для того, чтобы чувствовать себя бодро. Потом он тряхнул головой и резко встал.

– Всё, Валюша, я проснулся. Идём!

Смирнов – подтянутый, с обеспокоенным лицом – ждал его в гостиной. Увидев Туманова, шагнул ему навстречу, крепко обнял.

– Алексей, я искренне сочувствую! Однако сочувствием горю не поможешь. Давай, не теряя времени, приступим к делу.

– Да, Вадим, не будем время терять, – Туманов указал гостю рукой на кресло. – Присаживайся.

Другое кресло он развернул так, чтобы расположиться напротив собеседника.

– В общем, так, Лёша, – сказал Смирнов, – пока ты спал, я успел переговорить с некоторыми авторитетными людьми, и они выказали готовность нам помочь. А раз обещали – значит, помогут. Эти люди слов на ветер не бросают. Но, сам понимаешь, работа эта не простая.

– Вадик, передай им, что за деньгами дело не станет! – воскликнул Алексей Игоревич. – Заплачу, сколько попросят. Пусть только помогут найти мою дочку.

Смирнов нетерпеливо махнул рукой.

– Лёша, я не о деньгах. Проблема во времени. Парни, к которым я обратился, имеют большие возможности. Но начинать с нуля, не имея на руках никакой информации, очень тяжело. А нам сейчас каждая минута дорога.

К ним подошла Валентина.

– Мужчины, прошу вас за стол! Обсудите дела за чаем, – она положила руку гостю на плечо. – Вадим, не отказывайся.

– Я думаю, что чай нам не помешает, – Смирнов галантно поклонился хозяйке. – Спасибо, Валентина!

Она провела мужчин к столу, на котором уже были расставлены чайные чашки, вазы с конфетами, печеньем и пирожными. Валентина стала разливать чай по чашкам. Туманов внимательно наблюдал за женой. Она находилась в оживлённо-лихорадочном состоянии: руки слегка дрожали, а движения были резкими и непоследовательными, словно женщина вдруг забывала, что она хотела сделать. Глядя на неё, Алексей почувствовал укол в сердце. Ведь он даже не поинтересовался, спала ли Валентина хоть чуточку за минувшие двое суток. Долгие часы отчаянья для неё сменились надеждой. Она уверена, что Вадим сможет спасти их дочь. Откуда у неё эта уверенность? Наверное, сердцем чувствует. А материнское сердце не обманешь. И теперь, когда они втроём сели за стол, она не сводила с Вадима глаз.

– Я прервала вашу беседу, – сказала Валентина. – Теперь её можно продолжить. Надеюсь, я вам не помешаю?

– Нет-нет, – торопливо сказал Смирнов. – От тебя у нас нет секретов.

Туманов поспешил вернуть разговор в деловое русло.

– Итак, Вадик, мы тебя внимательно слушаем.

Смирнов согласно кивнул.

– Так вот, чтобы ускорить процесс, нужна информация, пусть даже самая ничтожная. Она позволит быстрее определить направление поисков. Поэтому сразу выкладывайте всё, что вам известно.

Туманов пожал плечами.

– Да, собственно, пока и выкладывать-то нечего.

– Лёша, расскажи ему всё, что ты знаешь! – взмолилась Валентина.

– Но ведь милиция занимается этим делом. Что-то же они нарыли? – спросил Смирнов.

– Вадик, я не знаю. Пока ничего не сообщают. Известно только, что нашли «Кадиллак». В багажнике обнаружили водителя с разбитой головой. Сейчас он в реанимации в тяжёлом состоянии.

– Его пытались допросить?

– Да нет же! Он совсем плох. На его показания рассчитывать не стоит. По крайней мере, в ближайшее время.

Смирнов побарабанил пальцами по столу.

– Да, не густо. Значит, больше ничего сообщить мне не можешь? Ну, а как же похитители? Как-нибудь себя проявили?

– Да! Я совсем забыл! – воскликнул Туманов. – Примерно час назад они позвонили и потребовали пять миллионов евро.

– Ты уже сообщил в милицию?

– Нет...

– Правильно! Я думаю, не стоит слишком им доверять. Большое усердие в поисках Кати они вряд ли проявят, а вот помешать могут.

– Но, Вадик, как же мы можем не ставить их в известность о звонках? – неуверенно произнесла Валентина. – Ведь они же ищут нашу дочь!

– Я не стал сообщать о звонке, потому что мой телефон прослушивается, – ответил Алексей на вопрос бывшего шефа службы безопасности. – Милиция наверняка уже знает о нём.

– Ну что же, теперь я, по крайней мере, убедился, что она хоть что-то знает, – Смирнов насмешливо хмыкнул, но тут же вновь принял серьёзный вид. – Простите! Я понимаю, что вам сейчас не до шуток. Однако я рассчитывал хотя бы на малюсенькую зацепку. Но ничего, начнём с нуля, – он ободряюще улыбнулся хозяевам. – Найдём мы Катю. Даже не сомневайтесь в этом!

Вадим поднялся со стула.

– Извините, должен покинуть вас. Пора начинать действовать. Спасибо за угощения, хозяйюшка!

Оставшись вдвоём, Тумановы долго сидели молча. Потом Валентина нарушила молчание.

– Лёша, попробуй у них что-нибудь вызнать, – сказала она с мольбой в голосе. – Ведь что-то же им должно быть известно?

– Не знаю, Валя. Мне кажется, что милиция не стала бы от нас скрывать информацию. Там же не дураки, понимают, в каком мы положении.

– Да что они там понимают?! Для них тайна следствия важнее живых людей, – Валентина вновь потрясла мужа за плечо. – Ты о чём задумался?

Алексей Игоревич неуверенно пожал плечами.

– Да так, одна мысль всплыла в мозгу и покоя не даёт.

– Что за мысль? Лёша, говори! Не вздумай отнекиваться, – Валентина повысила голос.

– Хорошо. Только, Валя, это всего лишь тень сомнения, не более того.

– Говори!

– Меня слегка смущает разговор о звонке похитителей. Я сказал Вадиму, что они потребовали выкуп и назвали сумму. А Вадим задал лишь один вопрос: сообщили мы в милицию или нет. И всё! Но ведь у него неизбежно должны были возникнуть и другие вопросы: когда? где? на каких условиях?

Валентина побледнела.

– Лёша, что ..., что ты хочешь этим сказать? – произнесла она дрожащими губами. – Нет, это невозможно! Не отнимай у меня надежду!

– Валя, я ничего не утверждаю. Я всего лишь говорю о своих сомнениях, – начал успокаивать жену Туманов, но сигнал домофона прервал его. Алексей Игоревич снял трубку.

– Лёша, это опять я, – услышал он знакомый голос. – Удели мне ещё несколько минут. Надо кое-что уточнить.

Войдя в квартиру, Вадим прижал руки к груди.

– Простите, что беспокою вас! – сказал он виноватым голосом. – Я упустил очень важный момент. Это касается звонка похитителей. За разговором вылетело из головы. Вспомнил по дороге. Но, сами понимаете, по телефону я не мог спросить, поэтому вернулся. Что они ещё сказали, кроме того, что назвали сумму выкупа?

Туманов покачал головой.

– Ничего.

– Как, совсем ничего?

– Совсем ничего.

– Плохо! – Смирнов постоял с полминуты, потом взглянул на хозяев. – Ну что ж, ещё раз извините за беспокойство.

Когда он ушёл, Валентина бросилась к мужу, крепко обняла его за шею.

– Вот видишь! А ты сомневался!

– Вижу, Валя, вижу. Ты была права! – говорил Алексей, глядя волосы жены.

Ему самому стало намного легче после возвращения Вадима.

* * *

Тяжёлая дверь распахнулась со скрипом, и Катя проснулась. Она и не заметила, как уснула. На этот раз девочка спала не сидя, а свернувшись калачиком на грязном матрасе.

– Чёртова скрипучка! – проворчала Любаха, входя в комнату. – Того и гляди, все сбегутся на этот скрип.

Катя присела на кровати. Любаха подошла, села рядом. В руках у неё был свёрток.

– Разбудила я тебя? Но ничего, выспишься ещё.

– Что случилось? – спросила девочка

– Ничего. Я тебе поесть принесла.

– Ты мне уже приносила поесть.

– Я тебе приносила хлеб и воду. А вот таким ужином я тебя ещё ни разу не угощала.

Она развернула бумагу, и Катя с удивлением увидела сдобную булочку и приличный кусок сервелата.

– Это мне?!

– А что, ты сюда уже кого-то привела? Сейчас проверю, – Любаха демонстративно заглянула под кровать. – Никого здесь больше нет. Значит, тебе.

Катя жадно впилась зубами в колбасу.

– Вот, а говорила, что сервелатом меня здесь кормить не будут, – пробормотала она с набитым ртом.

Люба усмехнулась.

– Ну, говорила. Ты давай, молча жуй, а то отберу.

Катя поперхнулась. Пожалуй, она слишком яростно набросилась на еду. Никогда прежде ей не приходилось голодать.

– Не спеши, – сказала Любаха. – На вот, запей.

Она извлекла из бокового кармана небольшую бутылку кока-колы и протянула девочке.

Катя замотала головой.

– Кока-колу пить нельзя. Она вредная.

Люба иронично взглянула на неё.

– Папа говорит?

Они негромко рассмеялись. Катя взяла бутылку и быстро расправилась с едой. Потом несколько минут женщины сидели молча.

– Слышь, Катюха, а тебе и вправду стало меня жалко? – спросила Люба, не поворачивая головы.

– Да, очень!

– Почему?

– Ты много страдала. Тебя часто обижали.

– Но сейчас-то я тебя обижаю.

– Ну, было в начале. Теперь же ты меня не трогаешь. Даже вот покушать принесла.

Люба грустно усмехнулась.

– Чудачка ты! Я тебя держу взаперти. Неизвестно, что тебя ждёт. Твои близкие сходят с ума от переживаний. А ты мне сочувствуешь!

Катя задумалась, потом сказала:

– Наверное, сейчас тебе по-другому нельзя поступать.

Люба продолжала смотреть перед собой. После небольшой паузы она сказала совершенно спокойным голосом:

– Знаешь, Катюха, за всю жизнь меня никто ни разу не пожалел. Чудно как-то получается, – она опять усмехнулась. – Может быть, тебя и выкрали для того, чтобы хоть кто-нибудь пожалел меня?

– Который час? – спросила Катя.

– Слегка за полночь. На дворе теплынь. Небо усыпано звёздами. Красотища!

Девочка вдруг почувствовала острый приступ тоски. Где-то течёт простая человеческая жизнь. Там поют птицы, шумят деревья, сверкают звёзды. Люди занимаются своими делами, что-то планируют, обсуждают, ссорятся, мирятся. По чьей-то злой воле она вырвана из этого круговорота жизни и помещена в грязную подвальную камеру без окна. Едва сдерживаясь, чтобы не расплакаться, Катя попросила:

– Люба, можно мне немного побыть во дворе?

Любаха резко переменилась. На лице пролегли жёсткие складки.

– Нет!

– Ну, хоть минуточку?

– Я же сказала: нет!

– Боже мой, Люба, неужели тебе так трудно это сделать для меня? – Катя всё же расплакалась. – Я здесь сойду с ума! Хожу по комнате из угла в угол и думаю, думаю, думаю... А вокруг только грязные ободранные стены. Даже мизерного оконца нет.

Она уткнула лицо в ладони и дала волю слезам. Люба потормошила её за плечо.

– Тише ты, дурёха! Услышат шум – придут проверить. Меня тут обнаружат среди ночи. Возникнут вопросы. А народ здесь очень осторожный и подозрительный. Могут меры принять – мало не покажется. Так что лучше не испытывать судьбу.

Катя перестала рыдать, но продолжала сидеть, уткнув лицо в ладони и негромко всхлипывая. Она долго крепилась и даже смогла поверить в то, что ей удаётся держать себя в руках.

Но слёзы, словно внешние воды, незаметно переполнили её детскую душу, прорвали непрочную дамбу.

Люба продолжала:

– Дело в том, Катюшка, что мне строго запретили выводить тебя из комнаты. Мы можем нарваться на охрану. Двор охраняют четыре человека, за каждым закреплён определённый участок. Да ещё там бегают две овчарки. Они быстро учуют чужого. И тогда нам не поздоровится.

– Я не разу не слышала собачьего лая, – сказала Катя.

– Собаки дрессированные, без надобности не гавкают. Если появится кто из посторонних, они, заразы, молча набросятся, свалят на землю. А уж потом поднимут такой лай, что все сбегутся. Так что, подруга, придётся тебе потерпеть. Давай лучше поболтаем. О чём ты хочешь поговорить?

Катя пожала плечами.

– Не знаю... Хотя, нет, у меня есть вопросы.

– Спрашивай, коли есть.

– Ты мне рассказывала про турецкую неволю. Расскажи, как тебе удалось вырваться оттуда.

Люба заговорила не сразу, несколько минут она сидела, устремив взор в пустоту. Видимо, вспоминала то тяжёлое, безрадостное время. Потом стала рассказывать:

– Случай помог. Меня и ещё двух девушек заказал к себе на виллу один местный богач. Мы ехали в микроавтобусе. По дороге попали в аварию. Дороги там горные, извилистые. И очень узкие. Водитель вошёл в поворот на большой скорости, а там встречная машина. Крепко зацепили друг друга. Наш микроавтобус слетел с дороги и покатился под откос. Мы, трое невольниц, были пристёгнуты ремнями к спинкам сидений – чтобы не выкинули по дороге какой-нибудь фортель. Это нас и спасло. А вот водитель и двое охранников крепко разбились. Охрана сразу очоурилась, водила был без сознания. Так им, гадам, и надо!

– Как вам удалось освободиться от ремней? – спросила Катя. Захваченная рассказом, она забыла о своих бедах.

– Это было не трудно. Главное, что помешать уже никто не мог. Потом приехали полицейские, медики и, к нашему счастью, журналисты с телекамерами. Спрятать нас уже было невозможно. Полдня нас продержали в полицейском участке, а к вечеру передали в российское посольство.

– А как же остальные? Те, кто остался в неволе? Их тоже освободили?

– Я не знаю. На следующий день нас отправили в Россию. На этом моя заграничная поездка закончилась.

– Когда я вернусь домой, – сказала Катя, – обязательно уговорю папу взять тебя с нами в Новую Зеландию.

Любаха фыркнула, с трудом сдерживаясь, чтобы не расхохотаться.

– Глупая ты ещё, Катька! Ну, ей-богу ребёнок! Папу она уговорит! Да мне твой папаша башку оторвёт.

– Не оторвёт. Я ему всё расскажу, он меня послушает.

– Может, и послушает. Только отдыхать меня отправит не в эту, как её?..

– Новую Зеландию.

– Вот, не в Новую Зеландию, а на речку Колыму. Или на Печёру.

– Но почему ты так уверена в этом?

– Да по кочану! Неужели сама не понимаешь? Я член похитившей тебя банды, соучастник преступления. Что тут неясного?

Катя задумалась на несколько секунд, потом негромко сказала:

– А если ты сможешь мне выбраться отсюда? Это же всё изменит.

Любаха впиалась в неё колючим взглядом. Лицо исказила злая усмешка.

– Однако ошиблась я. Ты не глупая, совсем не глупая. Вон как ловко повернула! А какой спектакль с рыданиями устроила! Молодец! Недооценила я тебя. Ничего, впредь буду умнее.

Она поднялась с кровати. Катя, обескураженная таким, неожиданным для неё, поворотом, тоже хотела встать, но Любаха грозно рявкнула:

– Сидеть!

Девочка испуганно замерла на месте. Её надзирательница хотела ещё что-то сказать, но махнула рукой и вышла в коридор. Когда она повернулась, чтобы закрыть дверь, Катя заметила, что губы у неё дрожали, словно женщина готова была расплакаться.

* * *

Алексей Игоревич Туманов пребывал в своём кабинете в одиночестве. Вышколенная секретарша Тамара ревностно оберегала покой своего босса. Впрочем, его и так не беспокоили ни сотрудники, ни партнёры: весть о происшествии, вероятно, уже разнеслась по городу и его окрестностям. Тем не менее, большое предприятие продолжало работать как хорошо отлаженный механизм, не смотря на то, что его хозяин вот уже третьи сутки был не у дел.

В кабинет заглянула Тамара:

– Алексей Игоревич, к вам Смирнов Вадим Петрович просится на приём. Он работал у нас. Помните? Говорит, что...

– Да-да, Томочка, пропусти его.

Когда Смирнов вошёл в кабинет, Туманов поднялся ему навстречу, вопросительно глядя в глаза своему бывшему сотруднику. Вадим смущённо опустил глаза.

– Пока ничем не могу порадовать. Сам понимаешь: за одну ночь сложно успеть что-то сделать. Но братва уже роет землю. Потерпи немного.

Вид у Вадима был уставший. Под глазами проглядывала синева. Видимо, этой ночью ему отдыхать не пришлось. Алексею стало неловко за свои вчерашние подозрения.

– Я всё понимаю, Вадик, – сказал он. – Спасибо, что не бросаешь в беде.

– Да как можно, Лёша?! Мы же с Катюшкой были настоящими друзьями. Да что я говорю – «были»! Есть и будем друзьями. Что сейчас от нас требуется, так это согласованность действий. Впрочем, вчера мы всё обсудили.

– Да, я всё понимаю, Вадим. Только что собирался позвонить следователю, да твой визит меня опередил. Если что-то удастся узнать, обязательно сообщу тебе. Правда, телефоны мои прослушиваются, но ничего, попрошу у секретарши.

– Не надо ни у кого просить. Я ведь к тебе как раз по этому делу заскочил, – Смирнов протянул Алексею новый сотовый телефон. – Вот, возьми. Эта мобила не засвечена, будешь по ней со мной контактировать.

Подбодрив Алексея обещанием, что Катя скоро будет дома, он торопливо попрощался и отбыл. Туманов набрал номер Маркелова:

– Василий Васильевич, мне надо встретиться с вами.

Следователь тяжело вздохнул.

– Давайте через часок. У меня в кабинете. Раньше не получится.

Туманов чертыхнулся, отключив телефон. Будучи деловым человеком, он очень тяжело переносил бездеятельное ожидание. Но в данной ситуации ему не оставалось ничего другого, только ждать. Спустя три четверти часа он решил, что пора выходить – пока доберётся, как раз время подойдёт. Вдруг его сотовый телефон стал подавать сигналы вызова. Алексей Игоревич взглянул на дисплей и похолодел – там высвечивалась фамилия его персонального водителя, который в настоящий момент находился в больнице, покалеченный бандитами. Туманов торопливо нажал на кнопку и поднёс мобильник к уху. От того, что он услышал, сознание

помутилось. Он с трудом удержался, чтобы не упасть. Из трубки доносился душераздирающий женский крик. Это продолжалось, наверное, не более пяти секунд, потом связь оборвалась. Ещё несколько секунд Туманов стоял в оцепенении, прежде чем спохватился, что надо срочно что-то делать. Он стал лихорадочно набирать Вадима. Потом вспомнил, что для этого существует другой телефон, и стал звонить с него.

– Алексей, перезвони позже. Я сейчас за рулём, – сказал Смирнов.

– Вадим, они истязают мою малышку! – закричал Туманов. – Я только что слышал её крик.

– Постой-постой! – перебил его Вадим. – Где ты слышал её крик?

– По телефону, где же ещё! Они только что позвонили.

– Так-так! – Смирнов немного помолчал, потом спросил: – А ты уверен, что это Катя кричала?

– Вадим, моя дочь у них! В чём я сейчас вообще могу быть уверен?!

– Ты вот что, Лёша, постарайся успокоиться, – слышался в трубке мягкий голос Вадима. – Эмоции нам сейчас только навредят. Давай подумаем, что в настоящий момент можно сделать. Ты со следователем пообщался?

– Нет. Как раз собирался ехать к нему.

– Постарайся вытянуть из него всё, что он знает. Мы должны найти эту шайку раньше милиции. И накажем мы их своим судом. Такие люди не имеют права на жизнь.

Туманов вызвал водителя – сам он в таком состоянии не решился сесть за руль – и поехал на встречу с Маркеловым. Едва он вошёл в кабинет следователя, тот поднялся ему навстречу и с доброжелательностью, какой Туманов прежде за ним не замечал, заговорил:

– Алексей Игоревич! Сразу хочу вас обнадёжить: крик, который вы слышали по телефону, скорее всего, принадлежит не вашей дочери.

Эта фраза сработала. Весь боевой заряд, с которым Туманов ворвался в кабинет, разом иссяк. Алексей устало опустился на стул, тяжело переводя дух. Потом поднял глаза на следователя.

– Объясните, на чём основаны ваши предположения. Я хочу услышать веские доводы. Если они у вас, конечно, есть. А то, знаете, меня в вашей речи слегка смутили такие слова, как «обнадёжить» и «скорее всего».

Маркелов согласно кивнул.

– Я понимаю ваши сомнения. Поэтому подробно изложу вам, что нам известно, и какие выводы из этого следуют. Во-первых: голос записан нашими специалистами, и они сейчас над ним работают. Как только закончат, сразу же позвонят мне. Думаю, что долго ждать нам не придётся. Во-вторых: нам удалось засечь место, откуда был сделан звонок. Это небольшой лесок, расположенный в полутора-двух километрах в стороне от загородной трассы. Никаких строений поблизости нет.

– Что это значит?

– Вы слышали запись.

Туманов немного помолчал, глядя перед собой, потом произнёс:

– Запись... Да, наверное, так оно и есть. Но где гарантия, что записан крик не моей дочери?

Маркелов опять кивнул, как бы соглашаясь с резонностью вопроса.

– Видите ли, Алексей Игоревич, у нас неплохие специалисты. Прослушав запись, эксперты сошлись во мнении, что голос принадлежит зрелой женщине. Но абсолютно точно они смогут сказать после того, как материал проанализируют. Для этого имеется специальное оборудование.

Туманов почувствовал, как слабая надежда, подаренная ему Маркеловым в начале встречи, постепенно перерастает в твёрдую уверенность в том, что следователь прав в своих

предположениях. И хотя его дочь всё ещё находилась в руках похитителей, на душе вдруг стало значительно легче, словно с неё свалился тяжёлый камень. Поэтому следующий вопрос, который он задал, был, скорее, риторическим:

– Значит, вы считаете, что кричала другая женщина?

– Да. И вовсе не факт, что её мучили. Не исключено также, что вам попросту дали послушать небольшой фрагмент из фильма ужасов.

Алексей Игоревич тяжело вздохнул и горько усмехнулся.

– Жестоко! Хотя я хорошо понимаю этих мерзавцев.

Маркелов посмотрел на него и вдруг сказал:

– Думаю, что нет.

– Что – «нет»? – встрепенулся Туманов.

– Не понимаете вы их.

– Что же тут непонятного? Меня прессуют, чтобы...

Маркелов примирительно поднял руки.

– Да-да, конечно! На первый взгляд всё обстоит именно так, как вы думаете. Но есть одна неувязка, нелогичность в их действиях.

Он сделал паузу, ожидая очередного вопроса. Но Туманов молчал, внимательно глядя на собеседника.

– Давайте порассуждаем, – продолжал следователь. – В каких случаях похитители применяют методы психологического воздействия? Когда поведение клиента их не устраивает. Верно? Например, клиент тянет время со сбором запрошенной суммы или не выполняет ещё какие-либо требования похитителей. А теперь скажите, какие их требования вы не выполнили?

Туманов пожал плечами.

– Так ведь никаких требований, по сути, и не было. Назвали сумму выкупа – и только.

– Вот! – Маркелов выразительно поднял кверху указательный палец. – Было всего три звонка от них. Первым, когда вашей дочери позволили сказать одно слово, вам дали понять, что девочка похищена.

– Это и так было ясно. Когда обнаружили «Кадиллак» с Олегом в багажнике...

– Тем более! Второй – назвали сумму выкупа. И всё! Не слишком ли мало информации для сделки? Но уже третий звонок – крепкая психологическая встряска. Вам это не кажется странным?

Алексей Игоревич слушал следователя, не отводя от него глаз.

– Действительно, всё это выглядит довольно странно, – пробормотал он. – Но... ведь должно же быть этому какое-то объяснение! Василий Васильевич, вы что-нибудь можете мне сказать по этому поводу?

Маркелов опять кивнул.

– Да. Мне кажется, что с вами сводят счёты. Кого-то вы крепко обидели.

– Что?! – Туманов упрямо затряс головой. – Нет, это невозможно! То есть да, конечно, иногда случаются накладки в отношениях с людьми. В мире бизнеса волей-неволей подчас задеваешь чьи-то интересы. Но ведь не настолько, чтобы красть ребёнка!

– Я вовсе не утверждаю, что месть явилась главной причиной похищения. Девочку похитили из-за денег. Но в нашем случае обе версии имеют право на существование и не противоречат друг другу. И в связи с этим мне потребуется ваша помощь.

– Вы хотите, чтобы я назвал вам всех своих предполагаемых недоброжелателей? Это будет непросто. Мне приходится иметь дело с большим количеством людей.

– Придётся напрячь свою память. Начните с ближнего круга: партнёры, конкуренты, сотрудники – бывшие и нынешние. Судя по вашим словам, серьёзных проблем в отношениях с людьми у вас было не слишком много. Составьте список таких людей, и чем раньше вы это сделаете, тем больше шансов у нас будет на благополучный исход дела.

В это время на столе зазвонил телефон. Выслушав невидимого собеседника, Маркелов положил трубку и сказал:

– Хорошая новость, Алексей Игоревич! Записанный голос принадлежит взрослой женщине – примерно тридцати лет.

– Спасибо! – поблагодарил его Туманов и спросил: – Ещё что-нибудь известно?

– Нет, – коротко ответил следователь.

Алексей Игоревич немного помешкал, но всё же пришёл к выводу, что сейчас приставать с вопросами нет смысла. Уместным в настоящий момент был лишь один вопрос, который он и задал:

– Я могу идти?

– Да, конечно! Не забудьте о моей просьбе. И ещё кое о чём хочу вас попросить.

– Я слушаю.

– Не обсуждайте эту тему ни с кем, кроме меня.

Алексей почувствовал себя неловко.

– Ни с друзьями, ни с родственниками? – спросил он, опустив глаза.

Маркелов усмехнулся.

– Давайте условимся, что на ближайшее время ваш единственный друг и родственник – это я.

– Мне будет трудно представить, – сказал Алексей Игоревич, тоже не удержавшись от улыбки.

– Ничего, вы справитесь. Ради спасения дочери преодолеете и эту тяготу.

На обратном пути, расположившись на заднем сидении своего лимузина, Туманов лихо-радочно размышлял, как ему быть. С одной стороны, он обещал Смирнову держать его в курсе всех новостей. С другой – следователь просил не разглашать информацию. А если уж отнестись к просьбе Маркелова со всей дотошностью, то Вадима можно было бы даже внести в список подозреваемых. Алексей Игоревич тряхнул головой, отгоняя наваждение. Нет, не надо доводить дело до абсурда. А то ведь так не долго уподобиться Павлику Морозову.

* * *

Катя сидела на кровати, обняв руками колени. На душе было тоскливо и тревожно. Агрессивная реакция Любахи на её слова при последней встрече ясно показала, что здесь у девочки нет и не может быть друзей. Она одна, абсолютно одна в окружении врагов. Какое-то время Катя обманывала себя, вообразив, что между нею и её надзирательницей протянулась ниточка взаимопонимания. Этот самообман в немалой степени помогал ей продержаться в тяжёлой психологической обстановке. Теперь, потеряв последнюю опору, девочка была на грани нервного срыва. Знакомый скрип тяжёлой двери заставил её замереть от страха.

В комнату вошла Любаха. Вопреки опасениям девочки, выглядела она вовсе не агрессивной, даже напротив – немного смущённой.

– Тут такое дело, Катюха... – сказала женщина, не глядя на Катю. – Похоже, твоего папашу решили встряхнуть.

– Что?! – воскликнула Катя, забыв про свои страхи. – Люба, о чём ты говоришь?

– Понимаешь, сегодня мне дали диктофон, в который я должна была кричать так, словно из меня жилы тянут.

– Зачем?

– Сама догадаться не можешь? – Люба наконец-то посмотрела Кате в глаза. – После такого концерта твой отец согласиться на любые условия и волюнку тянуть не станет. Теперь поняла?

Катя схватилась за голову.

– Боже мой! Боже мой! – повторяла она. – Он же не перенесёт этого. Он с ума сойдёт! Люба, что мне делать?

Она спрыгнула с кровати и стала метаться по комнате из угла в угол. Любаха резко дёрнула её за рукав.

– Да угомонись ты! Скачешь как ненормальная. Навязалась на мою голову...

Что-то в её голосе заставило Катю остановиться. Девочка почувствовала надежду.

– Ты можешь мне помочь? – спросила она.

– А за каким хреном я сюда припёрлась? – сердито проворчала Любаха. – Короче, слушай меня внимательно. У меня имеется чужой мобильник. Даже не знаю чей, свинтила по случаю. Можешь позвонить отцу. Помнишь его номер?

Катя утвердительно закивала головой.

– Да, конечно!

– Тогда бери и звони, – Люба протянула ей сотовый телефон. – Только быстро, не затягивай разговор. Засекут – мне голову оторвут.

Катя торопливо набрала знакомый номер.

– Папа, это я!

– Дочка! – услышала она встревоженный голос отца. – С тобой всё в порядке?

– Да, папа, я в порядке.

– Тебя не обижают?

– Нет.

– Я очень волнуюсь за тебя. Сегодня мне позвонили. Из трубки слышался женский крик. Катенька, скажи, это ведь не ты кричала?

– Нет, папочка! Это была инсценировка, чтобы напугать тебя.

– Всё, хватит! – Любаха протянула руку, чтобы забрать мобильник.

Катя прижала телефон к груди. По её щекам ручьями бежали слёзы.

– Любочка, ну ещё чуть-чуть! – взмолилась она. – Всего несколько слов.

Люба с досадой махнула рукой, нервно поглядывая на дверь.

– Папа! – опять произнесла Катя в трубку.

– Да, доченька!

– Как ты? Как мама?

– Ничего, Катюша, держимся. Верим, что всё будет хорошо. И ты держись. Не сомневайся: скоро будешь дома.

Люба вновь метнулась к девочке.

– Ну, всё! Достаточно!

Она выхватила из Катиных рук телефон и быстро извлекла из него сим-карту. Затем вынула из кармана нож, кончиком которого несколько раз проткнула чип. Спрятав нож и симку в кармане, женщина торопливо ушла, заперев Катю на ключ.

* * *

Туманов работал над списком предполагаемых недругов, которых к его удивлению оказалось не так уж и мало, как вдруг звонок Кати прервал его занятие. После короткого разговора с дочерью Алексей Игоревич долго не мог успокоиться. Что мог означать этот звонок? Катя находится в руках людей жестоких и вовсе не глупых. Её свобода, скорее всего, максимально ограничена. Где она могла взять телефон? После долгих размышлений он пришёл к выводу, что Катя звонила ему под контролем похитителей. В этом была своя логика. Сначала они его крепко напугали, потом успокоили. Катюша даже назвала тот крик инсценировкой. Откуда она могла это знать?

Алексей уже догадывался, что последует далее. В самое ближайшее время ему предъявят конкретные требования и пригрозят, что если он их не выполнит, то услышит крик своей дочери. Он уже не мог работать над списком подозреваемых, то и дело поглядывая на свой мобильник, который, по его мнению, должен был вот-вот зазвонить.

Телефон действительно зазвонил. Но на дисплее высветилась знакомая фамилия – Маркелов.

– Алексей Игоревич, есть хорошая новость, – говорил он взволнованно. – Мы засекли место, откуда был сделан звонок. Там находятся строения, вполне подходящие для того, чтобы спрятать человека.

– Думаете, что Катя там?

– Я почти уверен в этом.

– Что это за строения? Где они находятся? – взвинченный до предела, Алексей почти кричал в трубку.

– Это уже не ваша забота. Ваша задача: ждать и верить, что всё будет хорошо.

– Где эти чёртовы постройки?! – закричал Туманов, уже не сдерживаясь. – Вы обязаны сказать мне...

– Прекратите! – жёстко оборвал его Маркелов. – Мы обязаны вернуть вам дочь, и мы это сделаем. Не будьте ребёнком. Делом занялись специалисты. Разрабатывается план операции. Готовится группа захвата. Так что успокойтесь и ждите. Я буду держать вас в курсе.

Связь оборвалась. Туманов с досады выругался. Усилием воли он заставил себя успокоиться и трезво обдумать свои дальнейшие действия. Что в первую очередь необходимо сделать? Позвонить Вадиму! Надо, чтобы он попридержал свою братву. Что если он тоже вышел на след похитителей? Скоро спецназ начнёт действовать. Нельзя допустить, чтобы они пересеклись. Он спешно позвонил Смирнову по полученному от него телефону.

– Вадик, сворачивай работу. Катю нашли.

– Что?! – раздался удивлённый возглас Вадима. – Кто её нашёл?

– Милиция, разумеется. Кто же ещё!

– Когда?

– Мне только что позвонили.

– Алексей, это не блеф? Её действительно нашли?

– Правильнее сказать: обнаружили место, где её прячут.

Наступила пауза. Потом Смирнов спросил:

– Что это за место? Где оно находится?

– Я не знаю.

– Как не знаешь? Тебе не сказали?

– Нет.

– Но это же бред! – сердито воскликнул Вадим. – Они обязаны сообщить тебе место, где прячут Катю. Заставь их сделать это!

Его нервозность быстро передалась Туманову, подхлестнула и без того взвинченные нервы. Едва сдерживая раздражение, он сказал:

– Вадим, какое это сейчас имеет значение?

– Ты что, не понимаешь? У меня наготове команда вооружённых парней. Назови место – и через полчаса Катюшка будет дома.

– Да не знаю я, где оно находится! – почти прорычал Туманов. – Вадим, успокойся и успокой своих ребят, если не хочешь столкнуться со спецназом.

– Я хочу опередить спецназ.

– Зачем?

– Чтобы наказать подонков по понятиям, а не по нашим гнилым законам.

Алексей Игоревич вдруг почувствовал смертельную усталость. Перепалка со Смирновым отнимала последние силы. Вадим всегда был рискованным парнем, но в данной ситуации его желание опередить спецназ было похоже на мальчишество. Желая закончить этот бесполезный спор, Туманов сказал:

– Вадим, спасибо за участие! Но сейчас тебе надо остановиться. Я позвоню, когда всё закончится.

Он прервал связь и выключил телефон.

* * *

Вадим Смирнов пребывал в крайнем замешательстве. Звонок бывшего шефа выбил его из колеи. Самое досадное было в том, что Туманов не сообщил, где конкретно обнаружили его дочь. И эта мелочь путала все карты. По логике вещей надо было срочно перевозить девочку в другое место. Но это только в том случае, если менты действительно вычислили местонахождение Кати. Стоило Алексею назвать это место, все сомнения разом бы отпали. Но он отговорился тем, что сам этого не знает. Такое, конечно, было вполне возможно. Но могло быть и другое. Что если он сам, Вадим, в чём-то оплошал, засветился, попал под подозрение? В этом случае звонок Туманова мог преследовать конкретную цель: напугать его, спровоцировать на спешные и необдуманные действия.

Ситуация была двусмысленной. При первом раскладе требовалось принять незамедлительные меры, при втором – затихнуть и не высовываться. Вадим стал лихорадочно припоминать всё, что он говорил и делал с момента похищения ребёнка. Где он мог допустить оплошность? С досадой он признался себе, что такие случаи были. Одну ошибку он вовремя увидел сам и поспешил исправить – когда в разговоре с четой Тумановых проигнорировал серьёзную информацию.

Смирнов встрепенулся. Чёрт возьми! Он опять совершил ошибку! Надо же было спросить Алексея, каким образом обнаружили место, где находится его дочь. Не исключено, что это ему было известно. Он торопливо схватил мобильник, но... телефон абонента был не доступен. Выругавшись с досады, он сместил курсор на другую строчку списка и нажал кнопку вызова.

– Волын, срочно готовь пикап. Возможно, куклу придётся перепрятать. Нет, пока только приготовь машину и жди моего звонка. Надо кое в чём определиться.

Вадим вышел из офиса и направился к своему «Мерседесу». Тронувшись с места, он медленно поехал, то и дело поглядывая в зеркало заднего вида. Если он в чём-то прокололся, за ним должна быть слежка. И это надо было срочно проверить.

* * *

Туманов вызвал водителя и отправился к зданию городского УВД. На входе его задержали. Алексей Игоревич попытался убедить дежурного в том, что он отец похищенной девочки, и что в связи с этим затевается операция. Аргументы не подействовали. Пришлось связаться с Метелиным. Начальник УВД распорядился пропустить посетителя и попросил обеспечить его сопровождающим. Рыжеволосый сержант проводил Туманова до приёмной и, постучавшись в кабинет начальника, доложил о посетителе. Алексея пригласили войти. За длинным столом сидели несколько человек во главе с Метелиным. Среди присутствующих Туманов увидел и следователя Маркелова.

Полковник поднялся навстречу посетителю, крепко пожал ему руку.

– Присаживайтесь, Алексей Игоревич. Вкратце сообщу вам о том, чем мы располагаем. Место, откуда был сделан звонок, расположено в северо-восточной части города. Там имеются несколько строений, одно из которых является небольшим административным зданием,

остальные – складские помещения. Территория обнесена высокой металлической оградой. Это для нас и хорошо, и плохо. Но есть и несомненный плюс. Буквально в ста метрах от забора начинается лесной массив. Это позволит группе захвата максимально приблизиться к месту проведения операции, оставаясь незамеченными. Операцию начнём...

– Простите, Владимир Андреевич! – прервал Туманов начальника УВД. – Вы сейчас говорили о складском комплексе, принадлежащим Максиму Баталову? Мне трудно поверить...

– Да, вы правы, – ответил Метелин. – Владельцем комплекса является Баталов Максим Степанович. Но в настоящее время он сдаёт склады в аренду.

– Кто их арендует?

Полковник заглянул в бумаги.

– Некто Смирнов Вадим Яковлевич.

– Что?! – Алексей Игоревич вскочил на ноги, словно громом поражённый.

Метелин с любопытством взглянул на него.

– Он вам знаком?

– Да... – Туманов схватился за голову. – Боже мой! Он же теперь всё знает...

Следователь Маркелов резко наклонился в его сторону.

– Что? Что он знает?

– Что Катю обнаружили.

– Чёрт возьми! Я же просил вас... Зачем вы ему сказали?

– Он обещал найти мою дочь.

Метелин постучал ручкой по крышке стола, привлекая внимание.

– Не будем терять время на споры. Теперь мы знаем, что ситуация более сложная, чем предполагалось. Но у нас нет времени корректировать план операции. Все свободны, кроме капитана Потапова. Алексей Игоревич! – обратился он к Туманову. – Вас я тоже попрошу задержаться.

Они остались втроем. Метелин вновь обратился к Туманову.

– Познакомьтесь, это Потапов Сергей Петрович, – сказал он, указывая на высокого широкоплечего мужчину примерно тридцатипятилетнего возраста. – Он возглавит группу захвата.

Внешность капитана Потапова впечатляла. Жёсткий взгляд, широкие скулы, волевой подбородок, шрам на левой щеке – всё это придавало лицу выражение неслышимой силы духа, несокрушимой воли.

– Поскольку положение дел оказалось несколько иным, чем предполагалось, надо уточнить некоторые детали, – продолжал полковник. – Алексей Игоревич, что вы ещё сообщили Смирнову?

Туманов пожал плечами.

– Вроде бы, ничего.

– Значит, про звонок дочери вы ему не сказали?

– Нет.

– Это хорошо.

Алексей опять дёрнул плечами.

– Какое это имеет значение?

– Большое, – сказал Потапов.

– Это могло стоить жизни вашей дочке, – пояснил полковник.

Фраза ударила хлёстко, словно плеть. Туманов опять вскочил со стула.

– Но я полагал, да и сейчас полагаю, что Катюша звонила по приказу похитителей. В этом есть резон. Могут привести свои доводы.

Метелин махнул рукой, словно отменяя предложение.

– Не нужно. Разговор длился тридцать четыре секунды. Кто бы позволил пленнице такую роскошь? Нет, тут что-то другое, – он перевёл взгляд на Потапова. – Сергей, у тебя есть вопросы?

– Нет, – сказал спецназовец.

– Тогда приступай к работе. Удачи!

Капитан поднялся и вышел. Полковник вновь обратился к Туманову.

– Ну что ж, Алексей Игоревич, теперь нам остаётся только ждать и надеяться. Давайте примем коньячку по соточке – за то, чтобы операция завершилась успешно.

– Нет-нет, спасибо, Владимир Андреевич, но я тоже тороплюсь, – Туманов торопливо простился с хозяином кабинета и заспешил вслед за ушедшим спецназовцем.

Он догнал Потапова в коридоре первого этажа, окликнул:

– Сергей Петрович, уделите пару минут.

Капитан остановился, выжидая, глядя на него. Туманов торопливо заговорил, сильно волнуясь:

– Мне довелось однажды прочитать в газете, что спецназ, не надеясь на наше правосудие, во время операций стремится по возможности разделаться с преступниками на месте.

– Мало ли что пишут. Вы уверены, что это правда?

– Это не имеет значения. С моей семьёй обошлись крайне жестоко. Пусть ваши ребята разберутся с подонками на месте. Я хочу, чтобы никто не ушёл живым. Или почти никто. В долгу не останусь.

Потапов спросил сердитым голосом:

– Вы сами-то понимаете, что говорите?

– Пять тысяч евро каждому бойцу, вам – десять, – предложил Туманов.

– Мы теряем время.

– Бойцам по десять, вам – пятнадцать.

Капитан впился в собеседника своим жёстким, колющим взглядом.

– Чёрт бы вас побрал! Вы толкаете нас на преступление.

– Бойцам по пятнадцать, вам – двадцать, – не унимался Алексей Игоревич. – Достаточно, или ещё поторгуетесь?

Спецназовец тяжело вздохнул.

– Вы меня удивляете. Хорошо, я поговорю с ребятами. Как решат, так и будет. Думаю, что согласятся. Неприятности потом, конечно, могут быть очень большими. Но при таких условиях... Однако, папаша, вы не бедствуете.

Туманов протянул ему визитную карточку.

– Здесь мои телефоны. Позвоните на сотовый, как только всё закончится. Звоните сразу при любом исходе дела. Всё равно неизвестность хуже.

Взяв визитку, Потапов зашагал по коридору. Туманов вновь окликнул его. Тот остановился.

– Что ещё?

– Убьёте главного – пять тысяч сверху. Каждому.

Капитан выразительно цокнул языком.

– Ну, вы даёте! А кошмары по ночам не будут мучить? Столько народу положим по вашей милости!

Алексей Игоревич угрюмо покачал головой.

– Не будут. Один мой знакомый сказал, что такие люди не имеют права на жизнь.

* * *

Распахнув дверь, Люба стремительно ворвалась в комнату. Её лицо было напряжено и встревожено.

– Катюха, идём! Быстро! – скомандовала она, схватив девочку за руку.

– Куда? – спросила Катя, испуганно глядя на кисть правой руки женщины, испачканную кровью.

Любаха перехватила её взгляд.

– Он шёл за тобой. Понимаешь?! – почти выкрикнула она. – Твоя жизнь висит на волоске. А теперь и моя тоже. У нас нет времени!

Также стремительно она зашепила к выходу, увлекая за собой девочку. Стараясь ступать неслышно и держась за руки, они пробежались по мрачному коридору без окон, слабо освещённому двумя тусклыми лампами. Левой рукой, согнутой в локте, Люба прижимала к боку какой-то предмет, спрятанный под курткой. Поднявшись по ступенькам и выскочив во двор, женщины побежали к высокой металлической ограде, у которой верхушки стальных прутьев заканчивались острыми пиками. Они не одолели и десяти метров, как из-за куста им навстречу выскочил вооружённый автоматом мужчина.

– Стоять! – раздался грозный окрик.

Любаха отпустила Катину ладонь и резко сунула правую руку под куртку. Охранник сразу всё понял. Он передёрнул затвор автомата, но выстрелить не успел – пистолет с навинченным на ствол глушителем уже смотрел ему в грудь. Раздался негромкий хлопок. Крепкий парень отлетел назад и упал на спину. От потрясения Катя потеряла ощущение реальности. Всё происходящее стало ей казаться кинофильмом, который она смотрит на экране. Чтобы не видеть кровавых сцен, достаточно встать с кресла и выйти из кинозала.

– Бежим! – скомандовала Любаха, возвращая её к действительности.

Но буквально в трёх шагах от забора им вновь пришлось остановиться – глухо рыча, к Кате стремительно неслась немецкая овчарка. Люба шагнула ей навстречу, прикрывая собой девочку.

– Барон, фу! Нельзя!

Собака остановилась, растерянно гарцуя на месте и переводя напряжённый взгляд с одной женщины на другую.

– Тихо, тихо, Барон! – повторяла Люба, обнимая овчарку за шею. Потом приставила к её уху пистолет и выстрелила.

Собака повалилась на бок. Женщины метнулись к забору. Катя с трудом протиснулась между стальными прутьями и остановилась, ожидая спутницу. Однако для зрелой женщины просвет между прутьями оказался слишком узким. Поняв тщету своих стараний, Любаха быстро заговорила:

– Слушай меня внимательно! Беги в лес, не останавливаясь, и забирайся как можно дальше в глубь. Потом хорошо спрячься и сиди тихо, как мышка. Не тани, здесь ещё одна псина бежит.

– Нет, Люба! – воскликнула Катя. – Я тебя одну не оставлю. Бежим вместе!

– Ты же видишь: я не могу пролезть.

– Я помогу тебе.

Любаха бросила на неё свирепый взгляд.

– Ты что – дура?! – прошипела она. – А ну – бегом! Считаю до трёх.

Она навела на Катю пистолет. Девочка попятилась, потом повернулась и что есть духу припустила к лесу. За её спиной раздался собачий лай. Сразу же послышался ещё один хлопок, и собака умолкла.

Катя бежала по траве, не чуя под собою ног. Уже скрывшись за деревьями от того страшного места, где её держали в подвале, она продолжала бег, не сбавляя темпа и не оглядываясь назад. Минув большой раскидистый куст, девочка за что-то зацепилась ногой и потеряла равновесие. Она упала на выставленные перед собой руки. В тот же момент чья-то огромная ладонь зажала ей рот. Сильные руки подняли с земли насмерть перепуганную девочку.

– Тихо! – прозвучал приглушённый мужской голос. – Сейчас я уберу руку, но кричать ты не будешь. Договорились?

Катя кивнула. Незнакомец убрал ладонь с её лица и повернул девочку к себе. Увидев рослого человека в чёрной маске с прорезями для глаз, она едва не лишилась чувств. Мужчина легонько встряхнул её за плечи.

– Кто ты? – спросил он. – Как тебя зовут?

– Катя, – чуть слышно пролепетала девочка.

– Катя Туманова?

– Да.

– О'Кей! – крепко стянул с головы маску и весело подмигнул Кате. – Пойдём, красавица, порадуем народ.

Он вывел девочку на лесную поляну, где находилась группа вооружённых людей, а также техника: джип и три небольших закрытых грузовика. Суровый человек со шрамом на лице что-то объяснял остальным. Увидев своего бойца в сопровождении юной спутницы, шагнул им навстречу.

– Кто это?

Спецназовец широко улыбнулся.

– Петрович, это она.

Командир перевёл взгляд на Катю.

– Значит, ты – Катя Туманова? – спросил он. – Тогда скажи: как зовут твоего отца?

– Алексей Игоревич.

Он удовлетворённо кивнул и задал следующий вопрос:

– В лесу как оказалась?

– Сбежала.

– Молодец! А как чувствуешь себя? С тобой всё в порядке?

– Да, я в порядке.

Суровый человек облегчённо вздохнул и извлёк из кармана сотовый телефон.

– Господин Туманов? Это Потапов звонит. Можете расслабиться – ваша дочка у нас. Нет, с ней всё в порядке. Немного напугана, но в остальном – полный ажур. Теперь я хотел бы уточнить: ваше предложение остаётся в силе? Ну что же, будем действовать, как договорились.

Из-за деревьев выскочил ещё один спецназовец.

– Серёга, на территорию только что въехал белый «Мерседес», – доложил он.

– Очень хорошо! – сказал капитан. – На ловца и зверь бежит. Ну что, братишки, можете считать, что этот белый «Мерин» привёз по пять тысяч евро каждому из нас.

Он сунул телефон в карман и скомандовал:

– Приготовиться к бою!

Вскоре полтора десятка бойцов в чёрных масках и полной амуниции стояли перед ним в шеренгу.

– По машинам! – прозвучала следующая команда.

Катя дёрнула капитана за рукав.

– Подождите! – сказала она. – Там Люба!

– Люба? – насторожился он. – Кто это?

– Ну..., она меня охраняла.

– Значит, она из банды?

– Да, но...

– Вперёд! – командир махнул рукой, и машины тронулись с места.

– Она хорошая! – закричала Катя.

Качаясь на ухабах, грузовики с бойцами спецназа поползли к грунтовой дороге. С напряжённым лицом Потапов смотрел им вслед, держа в руке рацию. Катя вновь подёргала его за рукав.

– Вы меня слышите? Там Люба! Её надо спасти.

Капитан сердито взглянул на неё, потом рывком распахнул дверцу джипа.

– В машину! – рывкнул он. – Быстро!

Обливаясь слезами, девочка послушно забралась на заднее сидение. Вскоре до неё стали доноситься автоматные очереди, крики людей, разрывы гранат. Катя захлопнула дверцу, чтобы ничего этого не слышать.

* * *

В кабинете начальника городского УВД они находились вдвоём.

– Ну что, Алексей Игоревич, на этот раз не откажетесь от коньяка? – спросил полковник Метелин, с улыбкой глядя на гостя.

– С удовольствием выпью с вами, – поддержал предложение Туманов.

Владимир Андреевич извлёк из шкафа изящной формы бутылку «Хеннесси».

– Вот только закуски я не предусмотрел, – сказал он. – Сейчас позвоню...

– Пожалуй, не стоит. Обойдёмся без закуски.

– Хорошо! – полковник наполнил коньяком два небольших стаканчика и произнёс тост: – За вашу дочь! За её светлое будущее!

Когда они выпили, Алексей Игоревич сказал:

– Владимир Андреевич, нет слов, способных выразить мою благодарность за спасение дочери. Не люблю и не хочу оставаться в должниках. Скажите, что я могу сделать для вас? Может быть, есть материальные трудности?

Метелин замахал руками.

– Нет-нет, мне ничего не нужно. Но если сочтёте возможным чем-нибудь помочь горю делу, буду очень благодарен.

– Договорились! – охотно отозвался Туманов. – Я подарю вам парочку японских джипов. Скажем, «Паджеро». Годится?

– О! – воскликнул полковник. – Это очень дорогой подарок. Не жалко таких денег?

– Нет, не жалко. Я мог потерять несравнимо больше. Как подумаю – мороз по коже.

– Да, действительно, страшно подумать. Кстати, как себя чувствует ваша дочь. Что-нибудь изменилось к лучшему?

Туманов нахмурился.

– К сожалению, нет. По-прежнему замкнута в себе. Общается неохотно. На вопросы отвечает односложно. И часто плачет, – он поднял газа на хозяина кабинета. – Владимир Андреевич, вы не забыли о моей просьбе?

– Не забыл, – Метелин взял с полки папку и положил её на стол. – Здесь собрана очень любопытная информация об интересующей вас особе. Я внимательно прочёл документы и, скажу вам, до сих пор нахожусь под впечатлением, хотя за время работы в милиции всякого повидал. Я могу вкратце ознакомить вас с содержимым папки. Но если мой устный рассказ вас не устроит, и вы желаете лично ознакомиться с документами, можете взять их с собой, – он вопросительно взглянул на собеседника. – Ну что, хотите послушать?

Туманов кивнул.

– Да, я вас внимательно слушаю.

– Хорошо! – сказал начальник УВД и стал рассказывать: – Любовь Ильинична Завьялова – так звали нашу героиню – выросла в неблагополучной семье. Отец – уголовник. Трижды судим. К тому же хронический алкоголик. Мать также злоупотребляла спиртным. Рано ушла из жизни. Возможно, причиной тому послужили побои – супруги часто дрались. Дочка пошла по стопам родителей. В тринадцать лет была поставлена на учёт в детской комнате милиции вместе с подругами. Основание: мелкие кражи и драки. Били, главным образом, мальчишек. В шестнадцатилетнем возрасте угодила под суд за убийство – сожгла отца вместе с квартирой.

– Ого! – невольно воскликнул Алексей Игоревич. – За мать отомстила?

– Скорее, за себя. Сказала, что отец изнасиловал её, когда ей было двенадцать.

– Это правда?

– Думаю, что да. Во всяком случае, суд пришёл именно к такому выводу.

– Однако! – Туманов покачал головой, потрясённый услышанным. – Коли так, я не могу её осуждать за это убийство. Таких сволочей, как её отец... К какому сроку её приговорили?

Метелин усмехнулся.

– Ни к какому. Она даже условного не получила. Случилось так, что два очень важных обстоятельства сложились в её пользу. Во-первых, в те годы в качестве эксперимента проводились судебные заседания с участием присяжных. Во-вторых, Завьялову взялся защищать ныне широко известный, а тогда ещё только начинающий адвокат Панов. Парню надо было показать себя во всей красе, и он, как говорится, вывернулся наизнанку – сумел убедить присяжных, что перед ними не злодейка, а несчастная жертва с покалеченной психикой. Девчонку оправдали, несмотря на отягчающие обстоятельства.

– Они были?

– Да. Экспертиза установила, что Илья Завьялов предварительно был связан. Дочь, вероятно, воспользовалась тем, что отец пьян. К тому же она не просто подожгла квартиру, а развела костёр прямо под кроватью.

– Ну и что? – удивлённо спросил Алексей Игоревич. – Не вижу разницы.

– Разница есть, и шестнадцатилетняя девчонка её чётко уловила, – сказал полковник. – Она не хотела допустить того, чтобы её папаша задохнулся от дыма, прежде чем сгорит. Поджарила его живьём, – он взглянул на гостя. – Может быть, ещё по стопочке?

– Не откажусь.

Хозяин кабинета вновь наполнил стаканчики. На этот раз выпили молча, без тостов, после чего он продолжил рассказ.

– В последующие четыре года случались нечастые приводы в милицию – в основном за драки и мелкие кражи. Но вскоре произошёл инцидент, заставивший нашу героиню сбежать отсюда как можно дальше и спрятаться. Если вы помните, несколько лет назад была шумиха в связи с сыном крупного чиновника из областной администрации. Парень связался с криминалом и, почуяв безнаказанность, окончательно обнаглел. Нам он доставил немало хлопот, но сделать с ним мы ничего не могли – могущественный папаша тут же пускал в ход своё влияние. Не могу знать, по какой причине произошла стычка между крутым сынком и Завьяловой – возможно, ему захотелось взять её силой. Но она его тут же слегка поджарила – плеснула в лицо бензин. А у парня во рту зажжённая сигарета. Его папаша поднял на ноги всю милицию, но девчонка словно в воду канула. Позже на её след напали в Краснодарском крае, но потом вновь потеряли. И лишь спустя восемь месяцев наша огненная дива сама дала о себе знать – на этот раз в Турции.

– Но ведь она была в розыске! – удивился Туманов. – Как ей удалось попасть за границу?

– Она воспользовалась услугами поставщиков наложниц в турецкие бордели. У них свои надёжные каналы. Но, избежав тюрьмы на родине, женщина, судя по всему, оказалась в жуткой неволе на чужбине. Если судить по протоколам допросов Любви Завьяловой и двух её подруг, вырвавшихся оттуда, жить им приходилось в адских условиях, напоминающих нацист-

ский концлагерь. Не буду вдаваться в подробности их жизни в Турции, а вот о том, каким образом им удалось сбежать из плена, я думаю, вам будет интересно послушать.

Туманов утвердительно кивнул.

– Да, любопытно.

– Трёх русских девушек везли заказчику на микроавтобусе, – продолжал рассказ полковник Метелин. – Кроме них и водителя в салоне находились двое вооружённых охранников. Невольниц крепко пристегнули кожаными ремнями к спинкам сидений. Наша героиня была посажена рядом с водителем. По её признаниям, когда идущий по встречной полосе грузовик был близко, она ударила шофёра ногой по руке. Автобус выскочил на встречную полосу и столкнулся с грузовиком. Сильным ударом его сбросило с дороги. Привязанные наложницы отделались лёгкими ушибами. К тому времени, когда приехала полиция, они успели освободиться и выбраться из салона. Водитель без сознания лежал в нескольких метрах от горящей машины. А вот охранники остались внутри.

– Выходит, что автобус загорелся не сразу? – спросил Алексей Игоревич. – Ведь женщины успели освободиться.

– Есть все основания полагать, что микроавтобус загорелся не сам. Но в этом, разумеется, никто не признался. И ещё у местной полиции возникли подозрения в том, что один из охранников во время аварии вылетел из салона вместе с водителем.

– То есть получается, что его затащили обратно?

– Да. А затем подожгли автобус. Я могу предположить, кто из трёх женщин осмелился на такой поступок. Но это всего лишь догадки. Расследование не проводилось. По понятным причинам турки предпочли замять это дело.

Полковник откинулся на спинку стула и подытожил:

– На этом, пожалуй, можно закончить рассказ. Следующее приключение Любои Ильичны Завьяловой связано с похищением вашей дочери.

Туманов задумался, потом сказал:

– Катюша уверяет, что Люба спасла её, помогла бежать. Как это объяснить?

Метелин пожал плечами.

– Кто его знает? Возможно, она чётко просчитала ситуацию и решила заработать себе смягчающие обстоятельства.

– Ценою собственной жизни?

– Вряд ли она знала о предстоящей операции спецназа по освобождению вашей дочки. Парни словно озверели, устроили настоящую бойню. Однако они уверяют, что никто из них не стрелял в женщину.

– Значит, Любу могли убить свои же?

– Не исключено.

Алексей слегка замешкался, но всё же решился задать начальнику горотдела милиции волнующий его вопрос:

– Владимир Андреевич, вы сказали, что ребята устроили бойню. Будет ли это иметь для них негативные последствия?

Полковник оценивающе посмотрел на него.

– Расследованием инцидента занимается специальная комиссия, – сказал он. – Я по возможности постараюсь защитить ребят. Боюсь, что здесь не обошлось без вашего участия. Верно? Впрочем, на этот вопрос можете не отвечать. Лучше ответьте на другой: как вам понравился мой коньяк?

Туманов красноречиво развёл руки в стороны.

– Коньяк великолепен!

– Тогда ещё по чуть-чуть?

– Пожалуй, можно.

Осушив по третьей, они продолжали разговор.

– Я вот чего никак не могу взять в толк, – сказал Туманов. – Судя по вашему рассказу, Любовь Завьялова – человек озлобленный и беспощадный. Однако моя дочь уже третий день переживает из-за её гибели. Значит, было что-то хорошее? Значит, протянулась между ними какая-то ниточка?

Метелин согласно кивнул.

– Безусловно. То есть ничего хорошего могло и не быть, а вот относительно ниточки вы, пожалуй, правы. И этот парадокс, как ни странно, можно легко объяснить. Вам знаком термин «Стокгольмский синдром»?

– Нет. Что это?

– Впервые на это явление обратили внимание после освобождения заложников в Стокгольме – отсюда и название. Спасённые жертвы яростно защищали тех, кто их держал взаперти, и даже проявляли агрессию по отношению к полиции, которая их освободила. Этому нашли простое объяснение. Заложник представляет собой бесправное, беспомощное существо, находящееся в окружении врагов. Человеческая психика не всегда в состоянии вынести такое. Чтобы избежать стрессовых перегрузок, мозг включает защиту, которая в действительности является самообманом. Заложник начинает разделять похитителей на «злых» и «добрых» и инстинктивно тянется к «доброму», то есть к менее злому. Между ними может завязаться подобие приятельских отношений. И вот уже воспалённый разум рисует образ друга, не желая признаться себе в том, что на деле этот «друг» является злейшим врагом. Уверяю вас, именно это явилось причиной слёз вашей дочери. Образ подруги и спасительницы она придумала себе сама. Расскажите ей про «Стокгольмский синдром». Она всё поймёт и успокоится.

– Ну что же, попробую, – задумчиво сказал Туманов. – Спасибо, что откликнулись на мою просьбу.

Он простился с хозяином кабинета.

* * *

Собственно, поговорить по душам требовалось не только с Катей, но и с её матерью. Валентина, подобно дочери, переживала глубокую депрессию. Причиной такого душевного состояния явилось лишь одно обстоятельство: похитителем Кати оказался Вадим Смирнов. Туманов и раньше подозревал, что Смирнов нравится его жене. Вряд ли между ними существовала связь, но то, что Валентина «нервно дышит» в сторону Вадима, было очевидно. И вдруг такое разочарование! Ничего, пусть помучается. Ей это пойдёт на пользу. У Валентины свой набор незыблемых правил и принципов, из-за которых порой с ней бывает невозможно найти общий язык. Поэтому надо дать ей возможность всё осмыслить и взглянуть на свою жизненную позицию с другой стороны. А вот к дочке необходимо найти подход и как можно быстрее.

Он постучал в комнату дочери и осторожно открыл дверь. Катя сидела на своём диванчике с книжкой в руках, но взгляд её был устремлён поверх книги. Появление отца восприняла равнодушно. Он подошёл к дочери, сел рядом. Вдруг она спросила:

– Папа, почему спецназ расстрелял всех? Разве обычно они *так* поступают?

Алексей Игоревич не ожидал такого вопроса, поэтому растерялся. Он никогда ни в чём не обманывал дочь. И сейчас требовалось сказать правду, чтобы не потерять её доверие.

– Потому что эти люди похитили и собирались убить самого дорогого мне человека, – сказал он.

Девочка отвернулась, не сказав ни слова.

– Катюша, – осторожно заговорил отец, – я только что беседовал с начальником городского отдела милиции Владимиром Андреевичем Метелиным. Он меня заверил в том, что Любу Завьялову убили бандиты. К началу операции спецназа она уже была мертва.

Дочь вопросительно взглянула на него.

– Правда?

– Правда. Моей вины в её смерти нет. А уж твоей – тем более.

Катя упрямо тряхнула головой.

– Нет, папа, я виновата. Люба спасла мне жизнь, а я ей ничем не помогла. Даже не пыталась. Я убежала, а она осталась. Разве это не предательство? Скажи, только честно!

Туманов обнял дочь за плечи.

– Катенька, не спеши выносить себе приговор. Давай вместе во всём разберёмся. Я попросил полковника Метелина собрать для меня информацию о твоей спасительнице, и он мою просьбу выполнил. Из того, что я услышал, можно сделать вывод, что Люба Завьялова в жизни слишком много натерпелась от людей, отчего ожесточилась и даже озлобилась.

– Папа, в чём ты хочешь меня убедить?

– Я не собираюсь тебя ни в чём убеждать. Я хочу сам разобраться во всём. Понимаешь, Катя, когда есть противоположные точки зрения, надо выслушать обе стороны, чтобы иметь полное представление. Я пока выслушал лишь одну сторону, поэтому и судить могу односторонне. Чтобы делать выводы, я должен выслушать твоё мнение. Пожалуйста, расскажи мне о Любе – о том, какой ты её знала и запомнила. Ты согласна?

Катя немного подумала, потом кивнула. Она стала подробно рассказывать обо всём, что ей пришлось пережить за несколько бесконечно долгих дней заточения; о том, как надзирательница Люба из жестокой обидчицы превратилась в заступницу, а затем и в спасительницу. Алексей Игоревич внимательно слушал и всё более склонялся к мысли, что ни о каком синдроме он дочери говорить не будет. Неожиданно для себя он нашёл произошедшему совсем другое объяснение. Когда Катя закончила свой рассказ, он сказал:

– Катенька, я всё понял. Возможно, мои слова покажутся тебе парадоксальными, но я искренне верю в то, что они соответствуют действительности: ты сделала для Любы ничуть не меньше того, что она сделала для тебя.

– О чём ты говоришь?! Что я для неё сделала?

– Ты её тоже спасла.

Девочка бросила на отца изумлённый взгляд.

– Папа, ты шутишь?

– Ничуть. Поэтому прошу выслушать меня внимательно. Представь, дочка, в каких условиях жила Люба Завьялова – всюду грязь, подлость, жестокость. Другой жизни она попросту не знала. Её часто обманывали, обижали, унижали. Не удивительно, что она ожесточилась, возненавидела весь мир. С таким настроением жизнь для человека теряет всякий смысл. Но глубоко в душе – может быть даже, неосознанно – у неё жила тоска по другой жизни, по другим отношениям, в основе которых лежит доверие и человеческое тепло. Ты приоткрыла ей окно в эту жизнь, по которой она тосковала. И Люба начала оттаивать. Она привязалась к тебе. Но тебе угрожала смертельная опасность. Люба Завьялова решила спасти тебя, и с этого момента её жизнь наполнилась смыслом. Понимаешь, Катя, спасти твою жизнь для неё было значительно важнее, чем свою собственную. Помогая тебе бежать, Люба прикоснулась к чему-то светлому, очистилась от грязи. Она ушла из жизни с чистой душой.

Катя продолжала смотреть на отца полными слёз глазами.

– Папочка, ты и вправду так думаешь? – спросила с надеждой.

– Я абсолютно уверен в этом! – твёрдо сказал Алексей Игоревич.

Она бросилась к нему, крепко обняла за шею. Прижимая к груди самое дорогое на свете существо, Алексей Игоревич Туманов, прежде никогда не веривший в Бога, искренне просил Всевышнего простить Любви Завьяловой все её грехи, вольные и невольные, и навсегда успокоить её грешную душу.

2007 – 2010 гг.

Пластилиновая пуля

Часть 1. Запас прочности

Тяжёлый лайнер ИЛ-86 вырулил на взлётную полосу и остановился. Свист двигателей сначала слегка затих, но потом вновь стал набирать силу, плавно переходя в громкий и немного жутковатый рёв. Машина сорвалась с места и с огромным ускорением помчалась по бетонной дорожке, вжимая находящихся в ней людей в спинки сидений. Считанные секунды разбега – и вот уже колёса оторвались от полосы, самолёт стал подниматься в небо. Пассажиры дружно захлопали в ладоши. Я невольно усмехнулся. Мне всегда казалась по-детски наивной эта перенятая у Запада традиция. Ну, взлетели – и слава Богу! Чему ж тут радоваться? Тому, что теперь как минимум на четыре часа мы перестали быть хозяевами своих судеб? Нет, господа, вот когда приземлимся, тогда и поаплодируем. А пока мы заложники других людей – тех, кто управляет лайнером, и тех, кто на земле готовил его к полёту. Вы уверены в этих людях на сто процентов? Вот и я не уверен. Так что, извините, не вижу причин для радости.

Должен заметить, что эти мои не слишком оптимистические размышления носят чисто философский характер. Я вовсе не боюсь летать самолётами, хотя и испытываю в душе некоторое волнение, как, наверное, любой нормальный человек. Это как с колесом обозрения. Когда смотришь на него с земли, конструкция кажется прочной и несокрушимой. А вот наверху всё воспринимается несколько иначе. Но как ослабевшая уверенность в прочности «чёртова колеса» не мешает любоваться открывшейся внизу панорамой, так и мои философские мысли ничуть не помешали мне прильнуть к иллюминатору, чтобы в полной мере насладиться красотой, которую не в силах подарить даже самое огромное в мире колесо обозрения.

В свои тридцать восемь я успел полетать на самолётах десятки раз. Помню, ещё в самый первый перелёт мне досталось место у иллюминатора. Стояла осень. Сентябрь перевалил за середину, разрисовав природу всем богатством своих красок. Глядя в круглое оконце ещё не набравшего большой высоты лайнера, я был восхищён открывшейся мне картиной. Душу заполнил восторг. С тех пор, приобретая билет, я назойливо упрасивал кассира предоставить мне место у борта самолёта. Иногда мне везло, иногда нет.

Сегодня получилось по второму варианту. Мне досталось место с правой стороны посередине ряда. Я не стал слишком сильно расстраиваться, послушно расположился в своём кресле, слегка завидуя соседке справа. Но буквально перед самым взлётом женщина вдруг сама предложила мне поменяться местами. Сначала я удивился. Даже скажу больше: я был неприятно удивлён. Дело в том, что сидящая рядом женщина была молода и хороша собой. Её умное интеллигентное лицо мне сразу понравилось, вызвало глубокую симпатию. И я уже мысленно начинал подбирать слова для знакомства и строить нашу будущую беседу. И вдруг выясняется, что она абсолютно равнодушна к красотам окружающего мира. Как тут не разочароваться? Но, вновь взглянув на попутчицу, я сразу всё понял. Лицо женщины было смертельно бледным. Вероятно, чувство прекрасного ей было вовсе не чуждо, просто в настоящий момент его напрочь вытеснило другое, куда более сильное чувство – страх. Бледность лица, скованность движений, крепко вцепившиеся в подлокотники пальцы – всё красноречиво говорило о том, что женщина панически боится полёта.

Я уступил даме место, испытывая в душе тревогу. Перспектива лететь рядом с бьющейся в истерике пассажиркой меня отнюдь не прельщала. Но вот самолёт разбежался и стал подниматься в воздух, оставляя внизу домодедовский аэропорт. Я прильнул к иллюминатору, на время забыв про свою попутчицу. Вскоре она напомнила о себе сама:

– Ну и как? Нравится? – послышался за спиной её голос.

– Да, очень здорово! – ответил я, вновь повернувшись к ней. – Вам, как мне кажется, не до этого?

Она беспомощно улынулась.

– Увы...

Глядя на бледное лицо и скованное страхом тело соседки, я невольно подивился её самообладанию. Свой страх она держала в себе, не давая ему вырваться наружу. Чтобы убедиться в правильности своих подозрений, я спросил:

– Вы боитесь высоты?

– Да, у меня акрофобия.

– Как я догадываюсь, это слово означает высотобоязнь? – задал я глупый вопрос. Ведь и так ясно: если женщина жутко боится высоты, потому что у неё акрофобия, то что же ещё может означать это слово?

Мой промах не ускользнул от попутчицы.

– У вас железная логика! – сказала она, вновь слабо улынувшись.

Я едва не рассердился. Посмотрела бы на себя, острячка! В самолёт садилась симпатичная особа, а теперь на смерть похожа, только косы в руках нет. Но, решив, что не стоит обращать внимания на подобные уколы, я спросил:

– Зачем же вы воспользовались самолётом? Ехали бы поездом – дольше, зато спокойнее.

Женщина прижалась затылком к подголовнику и закрыла глаза.

– Иногда приходится считаться со временем, – сказала она холодным тоном, который можно было истолковать так: «Что толку сейчас рассуждать об этом?».

До меня начала доходить простая мысль: женщина обратилась ко мне за помощью. Она и разговор-то завела лишь затем, чтобы я помог ей отвлечься, забыть на время про свой страх. А я, выходит, не оправдал надежд. Надо было срочно спасать положение, менять тему разговора. Однако меня очень беспокоил один момент, который я посчитал нужным прояснить незамедлительно.

– Простите меня за дурацкие вопросы, но всё же хочу спросить вас ещё кое о чём. Обещаю, что из глупых вопросов этот будет последним.

Женщина вновь открыла глаза.

– Спрашивайте.

– Я не знаю, что мне делать, если у вас – не дай, Бог! – начнётся паника. Может быть, вы знаете какие-нибудь рецепты для оказания экстренной помощи в подобных случаях?

Она пожала плечами и неуверенно сказала:

– Надеюсь, что этого не случится. Мне кажется, до меня добрался только Фобос, а не его младший брат Деймос.

Как большой любитель астрономии, я хорошо знал, что представляют собой Фобос и Деймос. Но при чём они здесь, мне было совершенно непонятно. Я с удивлением уставился на свою попутчицу.

– Простите! – сказала она. – Я совсем не подумала о том, что эти персонажи вам могут быть не знакомы.

– Да в том-то и дело, что знакомы, – возразил я. – Фобос и Деймос – спутники Марса. Ради бога, объясните, каким образом они могут до вас добраться?

На этот раз улыбка женщины получилась не такой страдальческой, как две предыдущие. В лице появилось оживление.

– Я ничего не знала о спутниках Марса, – призналась она. – Вы меня просветили по части астрономии. Но я имела в виду не небесные тела, а героев греческой мифологии – сыновей бога войны Ареса. Фобос означает страх, Деймос – ужас.

Я с облегчением заметил, что разговор, как бы сам собой ушедший в сторону, немного отвлек мою попутчицу, помог расслабиться. Решив не упускать момент, я для поддержания беседы с усмешкой сказал:

– Ничего не скажешь, хороши детишки!

– В папу, – в тон мне ответила женщина. – Кстати, в римской мифологии бога войны называют Марсом. А от имени Фобос и образован термин «фобия» – боязнь.

Я потёр пальцами лоб, изображая смущение.

– Знаете, почему-то я сам не сообразил... Думаю, при чём тут спутники Марса?

Неожиданно мой смущённый вид понравился собеседнице. Потеплевшим голосом она сказала:

– А вам идёт смущение. У вас такое трогательное выражение лица...

– Честно говоря, я притворяюсь, – признался я. – Надеюсь, моё признание вас не слишком разочаровало?

– Нет, не слишком. Вы мне всё равно симпатичны.

Не знаю, в действительности ли я был ей симпатичен в тот момент, или фраза была произнесена исключительно с целью поддержания разговора, но я неожиданно растерялся. Элементарная вежливость требовала дать ответ на её признание, пусть и полушутливое. Женщина поняла моё замешательство.

– Нет-нет, вы не беспокойтесь, – сказала она торопливо. – Я вовсе не требую от вас комплиментов. Могу представить, как я сейчас выгляжу. Как говорят в таких случаях: краше в гроб кладут.

При последних словах попутчицы я внутренне содрогнулся. Душу заполнило гнетущее чувство. Я возвращался из подмосковного Барыбино, где умерла моя единственная тётя. Мне удалось избежать присутствия на похоронах, чему я, признаюсь, втайне был очень рад, так как всегда крайне тяжело переношу подобные процедуры. Когда я прибыл, уже шли поминки. Тем не менее, тягостная атмосфера, сопутствующая уходу из жизни близкого человека, действовала угнетающе. Но, как говорится, не бывает худа без добра. У тёти не было своих детей, поэтому всё своё состояние она завещала мне. Это, собственно, и явилось причиной моей поездки за три тысячи вёрст, так как тётнины сбережения и небольшой частный дом в значительной степени облегчали мои финансовые проблемы. Другие родственники вряд ли были в восторге от её изложенного в завещании решения, но вслух никто ничего не говорил об этом. И теперь, оформив необходимые бумаги, я возвращался домой.

Моя соседка заметила перемену в моём настроении.

– Я что-то не так сказала? – спросила она.

– Нет, ничего... так... воспоминания... – пробормотал я. – О чём мы с вами говорили?

– Мы говорили о героях греческих мифов и спутниках Марса.

Я взглянул на попутчицу и вновь поразился её самообладанию. По голосу можно было предположить, что человек, произносящий эти слова, спокоен. Или почти спокоен. Но бледное лицо и просящий взгляд красноречиво говорили об обратном. Пожалуй, женщина права относительно своего внешнего вида. Как было сказано выше, на похороны я опоздал, поэтому не видел, как выглядела моя тётушка на смертном ложе. Думаю, что примерно также. Я стряхнул с себя груз воспоминаний и вновь приступил к операции по спасению своей попутчицы от приступов тяжёлой болезни под названием «акрофобия».

– У меня появилась идея. Давайте поиграем, – предложил я. – Путь у нас долгий, надо как-то скоротать время.

В глазах женщины мелькнуло любопытство.

– Что за игра?

– Как я понимаю, вы неплохо знаете древнюю историю?

– Ну, в общем, да.

– Вот и отлично! Я буду называть различные космические объекты – планеты, звёзды, созвездия и так далее. А вы будете мне рассказывать о персонажах древних мифов, именами которых эти объекты названы.

Моя затея понравилась собеседнице. Мы быстро втянулись в игру, которая неожиданно захватила нас обоих. На добрые полчаса мы забыли об окружающем мире, увлечённые сообщаемой друг другу информацией. Я видел, что моя попутчица с искренним любопытством вникает всему, что я ей рассказываю о космосе, на время забыв о своих страхах. В свою очередь она сообщила мне много интересного из истории древнего мира, чего я либо вовсе не знал, либо знал в микроскопических дозах, сохранившихся в моей памяти со школьных времён. Бледность постепенно сходила с её лица, на щеках даже стал проглядывать румянец. Женщина вновь стала обретать ту привлекательность, которую я изначально обнаружил в ней. Но слишком долго это не могло продолжаться, рано или поздно тема будет исчерпана. Необходимо было готовить запасной вариант. Чтобы сменить тему, я сказал:

– А знаете, должен признаться, что вы мне тоже симпатичны. Это действительно так! – воскликнул я, встретив её недоверчивый взгляд. – А коль у нас с вами вспыхнула взаимная симпатия, то настало самое время познакомиться. Итак, сударыня, ваше имя?..

Женщина улыбнулась и сказала:

– Ирина. Можно просто Ира.

– Мне очень приятно, Ира!

– А вы?..

– Иннокентий.

– А если как-нибудь попроще?

– Друзья и близкие зовут меня Кеша.

Женщина прыснула, прикрыв лицо ладонями. Я не стал обижаться. В первый раз, что ли?! Я уже давно привык к тому, что некоторым людям моё имя кажется смешным. Что тут поделаешь? Не убивать же их за это. Честно говоря, я и сам не в восторге от своего имени. Так назвал меня отец. Мама хотела дать мне имя Алексей, но отец даже слушать не стал. Моего брата, который старше меня на четыре года, он же назвал Егором. Сейчас подобные имена стали привычными, но во времена нашего детства, когда мальчишки почти поголовно были Сашами, Серёжами и Володами, они казались старомодными и смешными и нередко служили поводом для дразнилок. Егору с его длинным языком было значительно проще. Он и сейчас способен кого угодно достать своими шуточками. Поэтому его не слишком беспокоили. А вот мне досталось. Да и сейчас порой достаётся. Отца уже давным-давно нет в живых, но всё, что с ним связано, по сей день доставляет мне неприятности.

Ирина отняла руки от лица и сказала виноватым голосом:

– Не сердитесь, прошу вас! Дело в том, что так зовут моего попугая.

– Это большая честь для меня!

– Правда, я не хотела вас обидеть.

– Не волнуйтесь. А вы не обидитесь, если я задам вам вопрос деликатного характера?

Ирина согласно кивнула головой:

– Задавайте. В качестве компенсации вы имеете на это полное право. Подозреваю, что вас интересует мой семейный статус.

– У вас нет кольца на безымянном пальце правой руки, – объяснил я свой интерес.

Женщина ответила не сразу.

– Я в разводе, – сказала она. – Уже почти два года.

– А почему расстались? Не сошлись характерами?

Я поймал себя на том, что задаю вопросы уже не с целью поддержания разговора, а с искренним интересом. Вовлечённая в беседу попутчица, вероятно, на время забыла о том, что летит на десятикилометровой высоте. Страх перестал безобразить её лицо, и я с удив-

лением признался себе в том, что нахожу эту женщину очень привлекательной. Дело было не только в правильных, тонких чертах лица. Одними внешними данными меня не прельстишь. Эту науку я усвоил на своём горьком опыте, на несколько лет связав свою жизнь с красивой пустышкой.

– Это верно: не сошлись, – сказала Ирина, отвечая на мой вопрос.

– А точнее? Алкоголь, измены, рукоприкладство?.. – начал строить я предположения.

– Ни то, ни другое, ни третье. Все ваши выстрелы – мимо цели.

– Что же ещё могло послужить причиной разрыва? – допытывался я.

Ирина на минуту задумалась, потом сказала:

– Видите ли, мой бывший муж – неплохой человек, но... зануда.

– Что?! – я просто опешил от удивления. – Вы развелись из-за этого? Но это же, по меньшей мере, смешно!

Она пожала плечами.

– Что поделаешь?! Семейные драмы иногда бывают смешными.

* * *

– Соки, лимонад, минералка, – громко возвещали две симпатичные стюардессы, толкая по проходу тележку с напитками.

Это незначительное событие вернуло мою собеседницу к реальности. Временно забытый страх вновь стал завладевать её сознанием.

– Что будете пить? – спросил я, словно не замечая её состояния.

Мы выпили по стаканчику минералки, и я сходу приступил к выполнению своей благородной миссии в этом полёте.

– Итак, Ирочка, вы развелись со своим мужем, потому что он зануда. Мне эта формулировка не вполне понятна. Хотелось бы подробнее разобраться, что в вашем понимании означает данный термин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.